
Ливия Норвейн
Развод с Фениксом
Последняя жизнь без тебя

Ливия Норвейн

Развод с фениксом. Последняя жизнь без тебя

https://litres.ru/74849867
SelfPub; 2026

Аннотация

Дважды я собирала пепел мужа-феникса. Три ночи ждала у каменной урны, пока он вернется, и потом помогала ему заново привыкнуть к жизни. Мне казалось, что страшнее его смерти уже ничего не случится.

Но после шестого возвращения Лоран решил провести свою последнюю, седьмую жизнь с другой женщиной. Ей он доверил и свой последний пепел. Мне же предложил остаться при городской печи — ведь кто-то должен заботиться о его огне.

После двадцати одного года брака я ушла в мастерскую отца. Там протекала крыша, пахло глиной и по ночам скрипели ставни. Я надеялась, что когда-нибудь перестану ждать знакомых шагов за дверью.

Но однажды в ворота постучал командир Пепельной стражи. Он принес обломок кирпича и вопросы о смерти Лорана, на которые никто не хотел отвечать. За стенами мастерской уже начинал мерзнуть город. А я все чаще ловила себя на том, что жду не возвращения бывшего мужа — совсем другого человека.

Содержание

Глава 1. Пока держится камень 4
Глава 2. Дом без голосов 46
Глава 3. Жар в стене 98
Конец ознакомительного фрагмента. 131

Ливия Норвейн
Развод с фениксом. Последняя жизнь без тебя

Глава 1. Пока держится камень

Трещину я обнаружила незадолго до полудня, когда в огневой палате сменяли ночную бригаду.

Она начиналась у третьего крепежного кольца, шла вдоль старого шва и терялась за медной обшивкой котла. Вчера ее еще не было. По крайней мере, вчера я осматривала этот участок и не заметила ничего, что требовало бы срочного вмешательства.

Я сняла рукавицу, приложила к камню ладонь и почти сразу отдернула руку.

— Опять греется? — спросил Освин Край снизу.

— Сильнее, чем должен.

— Так ведь мороз ударил. Хранитель, говорят, с полуночи прибавил.

— Мороз еще толком не начался.

Освин хмыкнул, но спорить не стал. Он работал с городскими печами дольше, чем я жила на свете, и прекрасно знал разницу между исправным сводом и тем, который держался

исключительно на добросовестности мастеров.

Я опустилась на колено, стараясь не задеть раскаленную обшивку подолом рабочего платья.

Из трещины тянуло сухим жаром. Не так сильно, чтобы можно было говорить об аварии, но достаточно, чтобы заставить меня насторожиться. Раствор по краям потемнел и местами превратился в хрупкую серую корку.

— Лестницу придержите, — попросила я.

— Держу.

Я спустилась с помоста, взяла с рабочего стола медную линейку и вернулась наверх.

Освин поднялся следом. Он тяжело дышал после подъема, однако от помощи отказался, когда я предложила подержать его сумку с инструментами.

— Еще чего. Я эти лестницы раньше вас освоил.

— Это не значит, что они стали ниже.

— Зато я стал умнее. Уже не бегаю по ним без нужды.

Он улыбнулся, обнажив редкие зубы, и протянул мне фонарь.

Я измерила трещину, записала длину на свободном краю рабочего листа и велела закрыть верхний смотровой люк.

Главная огневая палата Кальда занимала почти всю внутреннюю часть старой башни. В центре находилась печь из черного базальта, обложенная особым кирпичом, который не разрушался от обычного пламени. Внутри, за несколькими слоями кладки, хранился жаровой камень.

Раз в несколько дней Лоран приходил сюда и отдавал камню часть своего огня.

Накопленное тепло нагревало воду в большом котле. Затем по трубам она расходилась по городским кварталам, согревала дома, лечебницу, мастерские и общественные помещения.

Устройство было надежным. Почти сто лет оно позволяло Кальду переживать зимы, когда горные дороги закрывало снегом, а в лесах от холода трескались стволы деревьев.

Но надежное не означало вечное.

Камень постепенно изнашивался. Металл требовал замены, кладка — осмотров, а трубы — постоянной очистки.

Я знала эту печь лучше собственного дома.

Двадцать один год моей жизни прошел рядом с ней. Сначала я приходила сюда помогать отцу. Потом стала самостоятельным мастером. А после свадьбы с Лораном взяла на себя почти все работы, связанные с центральной палатой.

За эти годы менялись городские советники, начальники караулов и поколения учеников. Даже старый котел однажды пришлось разобрать почти до основания.

Печь оставалась.

И я оставалась при ней.

— Что скажете? — спросил Освин.

Я еще раз посмотрела на записи.

— Верхний свод нужно разгрузить. Оставить только необходимую подачу тепла, а при первой возможности остано-

вить печь на полную проверку.

— На сколько?

— Не меньше трех дней.

Освин присвистнул.

— Кессу это не понравится.

— Кессу вообще ничего не нравится, если приходится платить мастерам больше обычного.

— Это вы верно заметили.

Он заглянул мне через плечо.

— А если предложат просто залить шов?

— Не соглашайтесь.

— Я и не собирался. Старый раствор надо вынимать. Иначе через месяц все равно придется переделывать.

— Если через месяц будет что переделывать.

Освин перестал улыбаться.

Я не собиралась пугать его. Просто за последние две недели показания приборов менялись слишком часто, а Лоран все чаще отдавал камню дополнительное пламя.

По отдельности эти обстоятельства не представляли большой опасности. Но теперь появилась трещина.

Я спустилась к столу дежурного и развернула толстую книгу температурных записей.

— Кто принимал ночную смену?

Из-за соседней стойки поднялся молодой помощник в серой куртке.

— Я, госпожа Сарн.

— Ваше имя?

— Ивен.

— Ивен, принесите мне листы за последние десять дней. Отдельно отметьте часы, когда хранитель добавлял жар.

Парень поспешил к шкафу.

Я сняла вторую рукавицу и размяла пальцы. Кожа на ладони покраснела, хотя я почти не касалась камня.

— Стоило надеть защитные, — заметил Освин.

— Стоило.

— Я вам каждый раз говорю.

— И каждый раз оказываюсь достаточно упряма, чтобы не послушаться.

— Вот за это вас отец и ругал.

Я невольно улыбнулась.

Освин знал моего отца еще молодым. Они вместе работали на северных печах, потом строили отопительные каналы для новых кварталов. Когда отец умер, именно Освин помог мне сохранить мастерскую и закончить первый самостоятельный заказ.

В последние годы мы виделись реже. Большую часть времени я проводила в Верхнем городе, а он предпочитал работать там, где от мастера требовалось больше умения, чем красивого титула.

Я всегда уважала его за это.

Ивен принес записи.

Три дополнительные зарядки за десять дней.

Последняя — минувшей ночью.

Я провела пальцем по столбцу температур. После каждой зарядки жаровой камень набирал необходимую мощность, однако затем тепло начинало уходить быстрее, чем прежде.

— Здесь что-то не так, — сказала я.

Освин наклонился к листу.

— Может, труба в Нижнем городе прохудилась?

— Тогда потеря была бы постепенной. А здесь скачок. Смотрите.

Я показала ему две строки.

— После зарядки температура растет слишком резко.

— Значит, хранитель дает больше огня.

— Или камень принимает его неравномерно.

Мы некоторое время молчали.

Через открытый люк доносился гул воды. Работники внизу перекликались, проверяя затворы перед сменой.

— Нужно поговорить с вашим супругом, — сказал Освин.

— Поговорю.

Я собрала листы и убрала в кожаную папку.

— А пока закройте верхний обход для осмотра. Пусть Ивен измеряет температуру каждый час. Если трещина увеличится хотя бы на палец, сразу пришлите за мной.

— Даже ночью?

— Особенно ночью.

Освин кивнул.

Я уже собиралась уходить, когда он окликнул меня.

— Невена.

Давно он не называл меня просто по имени.

— Что?

— Не позволяйте им заставить вас замазать это кое-как.

Я посмотрела на потемневший шов высоко над нами.

— Не позволю.

Он взял со стола рабочую книгу, а я направилась к выходу.

На лестнице было прохладнее. Я остановилась у узкого окна и наконец сняла с головы плотный платок, которым прикрывала волосы от жара. Снаружи шел снег.

Первый в этом году.

Мелкие белые хлопья кружились между крышами, оседали на выступах стен и тут же таяли на теплых камнях возле башни.

До настоящих морозов оставалось еще несколько недель.

Я рассчитывала за это время убедить Совет остановить печь и провести полноценный ремонт. Нужно было только сначала поговорить с Лораном.

***

Возле Дома возвращений торговали медовыми лепешками.

Старушка в темном платке стояла у небольшого жаровочного лотка, прикрывая горячую выпечку от снега. Рядом мальчик лет десяти пытался удержать сразу три бумажных

свертка.

Один выскользнул у него из рук.

Я успела подхватить его, прежде чем лепешки упали в грязь.

— Держи.

— Спасибо, госпожа!

Мальчик убежал к матери, а торговка улыбнулась мне.

— Возьмите и себе, госпожа Сарн. Сегодня с орехами.

Я купила одну лепешку, хотя не была голодна.

Так делала еще в детстве. Отец часто приводил меня на площадь после работы, и мы ели горячую выпечку прямо на ступенях Дома возвращений, пока он рассказывал мне о старых городских печах.

Воспоминание оказалось таким ясным, что я на мгновение даже остановилась.

Тогда мне казалось, что отец знает все на свете.

Позднее выяснилось, что он тоже ошибался, спорил с заказчиками, временами слишком доверял людям и однажды построил печь, которая совершенно не желала тянуть дым.

Но хорошие воспоминания от этого не стали хуже.

Я откусила кусочек лепешки и посмотрела на высокое здание перед собой.

Дом возвращений стоял на границе Верхнего города.

Его стены были сложены из светлого известняка, а над тяжелыми дверями располагалось семь медных изображений огненных птиц. Первые шесть летели вверх, расправив кры-

лья. Седьмая сидела неподвижно, опустив голову.

В детстве я считала последнюю птицу печальной.

Отец объяснял, что она не печалится, а отдыхает.

Теперь мне казалось, что он просто не хотел рассказывать маленькой девочке о смерти.

Я вошла внутрь.

В просторном зале пахло воском и высушенными травами. Возле стен горели небольшие светильники, а под высоким окном стоял длинный стол, на котором хранили каменные урны.

Не все они предназначались для настоящего пепла.

Большинство служило памятными сосудами, посвященными умершим фениксам. Их имена и годы прожитых жизней были выгравированы на крышках.

Я знала это место слишком хорошо.

В первый раз привезла сюда Лорана одиннадцать лет назад.

Тогда его пятая жизнь оборвалась во время пожара на южном перевале.

Он помогал выводить людей из горящей караванной гостиницы. Последним вышел мальчишка, которого Лоран успел вытолкнуть через дверь перед тем, как обрушилась крыша.

Я приехала уже после пожара. На месте, где он погиб, осталась зола с вкраплениями медных перьев.

Помню, как стояла на коленях среди мокрых обломков и

собирала ее специальной ложкой в каменную урну.

Руки дрожали так сильно, что Освин, сопровождавший меня, в конце концов забрал сосуд и помог закончить.

Три ночи я провела здесь, возле урны. На четвертое утро Лоран открыл глаза. Первым делом он спросил, спасся ли мальчик.

Я заплакала тогда так сильно, что не сразу смогла ответить. Лоран протянул ко мне руку, обнял и долго держал возле себя.

Мне было тридцать два. Я думала, что после этого уже никогда не стану бояться его смерти так сильно. Ошиблась.

— Госпожа Сарн?

Я обернулась.

Из бокового прохода вышла Илария Сольд, хранительница Дома возвращений.

Невысокая седая женщина носила длинное серое платье с узким вышитым поясом. На ее груди висел медный ключ от хранилища летописей.

— Добрый день, Илария.

— Не ожидала вас сегодня увидеть. Хранитель сказал, что сам займется подготовкой.

— Подготовкой к чему?

Она удивленно посмотрела на меня.

— К обряду Последнего Имени. Разве он не говорил?

Я вспомнила, что несколько дней назад Лоран просил не беспокоить его вечером. Сказал, что должен встретиться с

писцом.

— Говорил, — ответила я после небольшой паузы. — Видимо, я была занята и забыла.

Илария пригласила меня пройти в боковой зал.

Здесь хранились церемониальные ткани, чаши для благовоний и специальные урны, предназначенные для окончательного погребения фениксов.

У одной из стен стояла раскрытая шкатулка.

Внутри лежало семь медных перьев.

Шесть были покрыты красной эмалью. Седьмое оставалось серебристым.

— Завтра их перенесут к главному алтарю, — сказала Илария. — Я велела почистить крепления. Старые совсем потемнели.

Я осторожно коснулась одного из перьев. Когда-то мы с Лораном сами выбирали похожие украшения для его пятого возвращения. Он смеялся над собственной торжественностью и говорил, что после следующей смерти обязательно попросит обойтись без всяких церемоний. После шестой уже не шутил.

Восемь месяцев назад его вернули сюда после аварии в центральной огневой палате. На этот раз я почти не помнила, как собирали пепел. Все происходило слишком быстро. Вода залила нижние проходы, люди кричали, Мартен Восс отдавал распоряжения, а я искала Лорана среди работников, выходивших из поврежденной башни. Потом увидела обго-

ревшее каменное кольцо. И остатки его перьев.

Три ночи я опять сидела возле урны. Когда Лоран возродился, он долго не мог удержать чашку с водой. Пальцы его дрожали. Он просил меня остаться с ним, даже когда спал. Я оставалась.

— Вы неважно выглядите, — негромко сказала Илария.

— Просто устала.

— Печь?

— Печь.

Она кивнула.

Некоторое время мы молчали.

Я уже собиралась уходить, когда Илария спросила:

— Завтра вы будете присутствовать при обряде?

— Конечно.

Она отвела взгляд.

Мне показалось, что старушка хочет сказать что-то еще, но в зал вошел служка с корзиной свечей.

Илария сразу занялась им.

Я попрощалась и вышла на улицу.

Снег усилился. Пока я шла через площадь, горячая лепешка окончательно остыла в моей руке.

***

Лоран ждал меня в столовой. Это само по себе было необычно.

В последние месяцы мы редко ужинали вместе. Он часто задерживался у городского Совета, встречался с торговыми представителями или уходил в огневую палату. Я тоже возвращалась поздно, поэтому иногда мы виделись только утром.

Раньше это не беспокоило меня. Мы прожили вместе достаточно долго, чтобы научиться не требовать постоянного присутствия друг друга. Во всяком случае, я так считала.

Когда я вошла, Лоран поднялся из-за стола.

Он был одет в темные брюки и простую белую рубашку, без привычного камзола с вышитым гербом Сарнов. Волосы, обычно аккуратно зачесанные назад, сегодня свободно падали на лоб. Я всегда любила, когда он так выглядел.

— Ты рано, — сказала я, расстегивая плащ.

— Освободился.

— Хорошо. Мне как раз нужно поговорить о печи.

Рута, наша пожилая экономка, вышла из кухни и протянула руки за плащом.

— Ужин подавать, госпожа?

— Через несколько минут. Я сначала переоденусь.

— Невена, останься, — попросил Лоран.

Я посмотрела на него.

Он стоял возле своего кресла, положив ладонь на резную спинку.

— Что-то случилось?

— Нам нужно поговорить.

— Я поняла. Сейчас только сниму рабочее платье.

— Пожалуйста.

В его голосе было что-то такое, от чего я замерла.

Я передала плащ Руте.

— Оставь нас, — сказал Лоран экономке.

Та посмотрела на меня.

Я кивнула.

Рута тихо вышла и закрыла за собой дверь.

В столовой стало непривычно тихо.

Я положила папку с рабочими записями на край стола.

— Лоран?

— Сядь.

— Я лучше постою.

Он провел ладонью по лицу.

Только теперь я заметила, что у него нет обручального кольца. Обыкновенная узкая полоска золота, которую он носил больше двадцати лет. Когда Лоран принимал огненный облик, кольцо оставалось вместе с одеждой. После возвращения он надевал его снова, иногда еще до того, как успевал нормально позавтракать. Я сама выбирала это кольцо. На внутренней стороне была выгравирована дата нашей свадьбы.

— Где твое кольцо? — спросила я.

Лоран посмотрел на свою руку.

Потом на меня.

— Невена, я хотел поговорить с тобой о нашем браке.

Я медленно отодвинула стул и села.

Наверное, уже тогда поняла, к чему он ведет. Но понимание еще не означало, что я готова была услышать ответ.

— Говори.

Он сел напротив.

Между нами стояла большая глиняная ваза с ветками горного можжевельника. Рута всегда приносила их с рынка перед первыми снегопадами.

Я вдруг подумала, что сегодня она выбрала слишком крупные ветки. Они заслоняли лицо мужа, и мне пришлось чуть наклониться, чтобы видеть его.

— Последние месяцы были непростыми, — начал Лоран.

— Для нас обоих.

— Да.

Он помолчал.

— После возвращения многое изменилось.

Я сцепила руки на коленях.

— Ты мне уже говорил.

— Не все.

Он поднял глаза.

— Я понял, что больше не хочу жить так, как жил раньше.

— Что именно тебя не устраивает?

Лоран отвернулся к окну.

За стеклом медленно кружились снежинки.

— Я устал от постоянного ощущения, что моя жизнь уже прожита. Что впереди только старость, болезни и смерть.

Я не сразу нашлась с ответом.

— Ты говоришь так, словно я сама этого не понимаю.

— Ты понимаешь. Наверное, даже лучше меня.

— Тогда почему...

— Потому что рядом с тобой я все время об этом помню.

Он произнес это тихо, почти виновато.

Я посмотрела на мужа.

— О чем?

— О том, сколько раз умирал.

За окном скрипнуло дерево.

Лоран продолжал:

— Ты замечаешь, когда я устаю. Спрашиваешь, не слишком ли много огня я отдал камню. Следишь, чтобы я вовремя ел, отдыхал, не задерживался на холоде после зарядки. Иногда мне кажется, что ты ждешь беды даже тогда, когда ничего не происходит.

Я чувствовала, как постепенно краснеют щеки.

— Восемь месяцев назад ты едва мог подняться с кровати.

— Я знаю.

— По ночам ты просыпался от того, что тебе снилось, будто ты снова горишь.

— Невена...

— Ты сам просил меня не уходить из комнаты.

— Это было тогда.

Я замолчала.

Он сидел передо мной, живой, красивый, сильный. На его

руках не осталось следов ожогов, полученных при последней смерти. Новое тело восстановилось без единого шрама. Но я помнила, как дрожали его пальцы и как он однажды заплакал во сне. Лоран тоже помнил. И, кажется, ненавидел то, что я знала об этом.

— Я не собираюсь держать тебя под замком, — сказала я. — Если тебя раздражает моя забота, об этом можно было поговорить.

— Мы говорили.

— Нет. Ты говорил, что все хорошо. А потом пропадал на целые вечера.

Лоран тяжело выдохнул.

— Я не хочу сейчас спорить.

— Тогда объясни, чего ты хочешь.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Я хочу развода.

Некоторое время я слышала только негромкое потрескивание дров в камине. Наверное, человек действительно способен услышать самые страшные для себя слова и при этом продолжать замечать совершенно ненужные мелочи. Например, что одна свеча на столе сгорела ниже остальных. Или что у Лорана немного ослаблен воротник рубашки.

Я сидела неподвижно.

— Развода? — переспросила наконец.

— Да.

— Ты давно решил?

— Не вчера.

— Насколько давно?

Он опустил взгляд.

— Несколько месяцев назад.

Я попыталась вспомнить эти месяцы.

Первое лето после его возвращения. Поездка к южным воротам. Небольшой праздник в доме торгового советника. Утро, когда Лоран неожиданно подарил мне новые перчатки, потому что старые сильно обгорели. А потом осень. Все более поздние возвращения домой.

Раздельные ужины. Мое постоянное желание не мешать ему оправиться после смерти.

— И все это время ты ничего не говорил?

— Я не был уверен.

— А теперь уверен?

— Да.

Я отвела глаза.

На каминной полке стояла небольшая деревянная фигурка птицы. Лоран вырезал ее для меня в первый год нашего брака. Получилось неловко. Крылья были слишком короткими, а голова непропорционально большой. Он сердился на собственную неумелость, а я смеялась и уверяла, что никогда не получала подарка прекраснее. Фигурка стояла здесь двадцать лет. Я ни разу не думала ее убрать.

— У тебя есть другая женщина? — спросила я.

Лоран помедлил.

Совсем немного.

Но этого оказалось достаточно.

— Есть.

Я закрыла глаза.

Странно, но известие не стало полной неожиданностью.

Пожалуй, какая-то часть меня уже давно боялась именно такого ответа.

— Кто она?

— Тея Керн.

Я знала это имя.

Тея приезжала в Кальд вместе с южными торговцами. Ее семья поставляла в город дорогие ткани, инструменты и некоторые виды горного топлива.

Я встречалась с ней дважды.

Один раз на заседании Совета, второй — на вечернем приеме у главы торговой гильдии.

Тея была красивой женщиной с темными волосами, гладкой кожей и уверенной улыбкой.

Помню, она тогда внимательно слушала Лорана, когда тот рассказывал о строительстве новых отопительных каналов.

Я еще порадовалась, что он встретил человека, которому интересна его работа.

— Сколько времени? — спросила я.

— Невена, не думаю, что нам нужно обсуждать подробности.

— А я думаю, что нужно.

Он раздраженно сжал губы.

Я повторила вопрос.

— Сколько времени ты с ней?

— Почти пять месяцев.

Пять месяцев. Не случайный вечер. Не необдуманная встреча, о которой человек пожалел наутро. Пять месяцев тайной жизни, пока я сидела дома и убеждала себя, что мужу нужно больше свободы после возвращения.

— Ты приводил ее сюда?

— Нет.

Я посмотрела на него.

— Правда?

— Правда. Я бы не стал.

Он произнес это с таким видом, словно ожидал, что я оценю его порядочность. Мне стало неприятно.

— Благодарю, — сказала я.

Лоран вздрогнул.

— Не надо так.

— Как?

— Будто я намеренно хотел причинить тебе боль.

Я даже не сразу поняла, что ответить.

— А что именно ты намеревался сделать?

Он откинулся на спинку кресла.

— Я хотел быть честным.

— Спустя пять месяцев?

— Я не мог прийти к тебе в первый же день, когда понял,

что чувствую к другой женщине.

— Мог.

Лоран посмотрел на меня с раздражением.

— Ты не понимаешь, насколько все сложно.

— Тогда объясни.

Он снова замолчал.

За двадцать один год брака мы ссорились нечасто. Не потому, что всегда соглашались друг с другом. Скорее, я постепенно научилась выбирать, какие споры стоят потраченных сил.

Лоран не любил долгих разговоров о чувствах. Ему проще было принести подарок, предложить прогулку или сделать что-нибудь полезное, чем обсуждать неприятное. Раньше мне казалось, что это просто особенность его характера. Теперь я впервые подумала, сколько важных разговоров мы так и не закончили.

— Тея ничего не знает о том, каким я был после смерти, — сказал он.

Я посмотрела на него.

— Что?

— Она познакомилась со мной уже после возвращения. Для нее я не больной человек, которому постоянно требуется помощь. Она смотрит на меня иначе.

— А я смотрю как?

Лоран потер переносицу.

— Не превращай мои слова в обвинение.

— Я только спрашиваю.

Он некоторое время подбирал ответ.

— Ты знаешь обо мне слишком много, Невена.

Вот тогда мне стало по-настоящему больно. Не из-за Теи. Не из-за развода. Из-за того, как он это произнес. Словно двадцать один год нашего брака оказался тяжелым грузом, который ему наконец удалось сбросить.

Я знала, как он любит спать у открытого окна даже зимой. Знала, что он не переносит запах пережаренного лука. Помнила, что после пятой смерти он несколько недель боялся спускаться по лестницам, потому что у него кружилась голова. Знала, какие слова он говорил мне после свадьбы. Как смеялся, когда впервые увидел отцовскую мастерскую. Как однажды ночью пришел домой с целой корзиной лесных ягод, хотя терпеть не мог ходить по мокрому лесу. Все это теперь называлось слишком большим знанием.

— Прости, — сказал он.

Я подняла голову.

— За что именно?

Лоран нахмурился.

— За то, что причиняю тебе боль.

— Но не за то, что сделал?

— Я не могу заставить себя чувствовать иначе.

— Я тебя об этом и не прошу.

Мне потребовалось усилие, чтобы встать. Ноги не дрожали, но двигалась я неуверенно, словно долго просидела в

неудобном положении. Я подошла к окну.

Снег уже покрыл тонким слоем садовую дорожку. По ту сторону стекла виднелась старая яблоня. Мы посадили ее вскоре после свадьбы.

Дерево долго не приживалось. Первой весной даже казалось, что оно погибло, но затем неожиданно выпустило листья. Лоран страшно гордился этим, хотя всю работу по посадке выполнил садовник.

Я вдруг вспомнила, как однажды мы стояли здесь ранним утром и спорили, сколько плодов даст яблоня. Он обещал испечь пирог, если урожай окажется больше двадцати яблок. Урожай оказался богатым. Пирог он так и не испек. Тогда мы долго смеялись над этим.

Сейчас мне хотелось вернуться в тот день хотя бы на несколько минут. Не для того, чтобы изменить будущее. Просто снова увидеть человека, который стоял рядом со мной у окна.

— Что будет с домом? — спросила я.

— Он останется за родом Сарн. Но я обеспечу тебя всем необходимым.

— Я не спрашивала о содержании.

— У тебя должно быть где жить.

— У меня есть отцовская мастерская.

— Невена, там никто не живет уже много лет.

— Значит, придется привести ее в порядок.

Он подошел ближе, но остановился в нескольких шагах.

— Я не собираюсь выставлять тебя на улицу. Можешь остаться здесь, пока не найдешь подходящий дом.

Я посмотрела на него.

— А Тея?

Лоран не ответил.

Ответ был понятен.

Я усмехнулась, хотя ничего смешного не происходило.

— Ты уже собирался привести ее сюда?

— Мы это обсуждали.

— Когда?

— Невена...

— Пока я еще живу здесь?

Он отвернулся. Я не стала продолжать. Не хотела узнавать, какую комнату он собирался отдать новой женщине и собирался ли оставить ей нашу спальню.

В этом доме было слишком много моего труда. Я выбирала мебель, следила за ремонтом крыши, ухаживала за садом и несколько зим лично проверяла отопление, когда мастера из Нижнего города не могли добраться из-за снегопадов. Но юридически дом принадлежал роду Сарн. И я знала об этом с первого дня брака.

— Я уйду, — сказала я.

Лоран нахмурился.

— Тебе не нужно торопиться.

— Мне нужно.

— Ты можешь хотя бы подождать до окончания зимы.

Я повернулась к нему.

— Зачем?

Он помедлил.

— Сейчас в городе много работы. Если ты уедешь, возникнут сложности с печью.

Я смотрела на мужа, пытаясь понять, правильно ли расслышала.

— С печью?

— Ты знаешь, сколько там накопилось дел.

— Знаю.

— Никто лучше тебя не понимает устройство центрального камня. Освин, конечно, отличный мастер, но...

— Лоран.

Он замолчал.

— Ты сейчас просишь меня остаться ради городской печи?

— Не только ради нее.

— А ради чего еще?

— Ради разумного устройства нашей дальнейшей жизни.

Мне захотелось сесть. Не из-за слабости. Просто стало ясно, что разговор, который я считала невозможным, может оказаться еще хуже.

— Как ты себе это представляешь?

Лоран провел рукой по волосам.

— Мы можем спокойно разойтись. Я не хочу, чтобы ты испытывала нужду. Ты продолжишь заниматься делом, ко-

торое любишь. Никто не собирается лишать тебя положения в городе.

— А ты женишься на Тее?

Он снова не ответил.

— И я останусь главным мастером при твоем доме?

— При городской печи.

— Договор на обслуживание заключен через твой дом. Ты сам настоял на этом три года назад, когда Совет менял порядок найма.

— Это формальность.

— До сегодняшнего дня меня она устраивала.

— Тогда что изменилось?

Я внимательно посмотрела на него.

Всю жизнь Лоран был человеком, которому редко приходилось просить дважды. Его уважали. При появлении феникса на заседаниях Совета люди вставали. Торговцы уступали ему место, старшие мастера прислушивались к его мнению, а мальчишки в Нижнем городе мечтали однажды увидеть его огненный облик. Я тоже гордилась мужем.

Но сейчас передо мной сидел человек, который, кажется, искренне не понимал, почему я не хочу продолжать заботиться о его благополучии после развода.

— Для тебя действительно ничего не изменилось? — спросила я.

— Конечно, изменилось.

— Тогда почему ты предлагаешь оставить все как прежде?

Лоран подошел к столу и оперся ладонями о край.

— Потому что нам обоим нужно жить дальше. Ты прекрасный мастер. Я не хочу, чтобы из-за наших личных обстоятельств страдали город и твоя работа.

— Моя работа никуда не исчезнет.

— Но центральная печь...

— Я передам все необходимые документы Совету. Заключение о состоянии свода уже готово. Освин получит записи, а гильдия сможет назначить мастера для дальнейшего осмотра.

— Невена, это не тот случай, когда можно просто передать бумаги.

— Тогда Совету придется заключить со мной новый, независимый договор.

Он выпрямился.

— Ты предлагаешь заставить город менять порядок работы из-за нашего развода?

— Нет. Я предлагаю больше не служить твоему дому.

Лоран смотрел на меня так, словно я произнесла что-то совершенно неожиданное.

Я устала. За день мне пришлось дважды подниматься на верхний свод, проверять записи и разговаривать с мастерами. Теперь хотелось снять тесные рабочие ботинки, помыть руки и лечь спать. Но я понимала, что после такого разговора уснуть все равно не получится.

— Есть еще кое-что, — сказал Лоран.

Он произнес это осторожно.

Я уже знала, что не хочу слышать следующую фразу.

— Что?

— Завтра в Доме возвращений состоится обряд Последнего Имени.

— Я знаю. Илария сказала.

Он удивился.

— Ты была у нее?

— Да. Почему ты мне не рассказал?

Лоран посмотрел на свои руки.

— Я собирался.

— Когда?

— Сегодня.

Я вспомнила семь медных перьев в раскрытой шкатулке. Илария была необычно сдержанна. Теперь я начала понимать почему.

— Ты выбрал человека для последнего пепла? — спросила я.

Лоран кивнул.

У меня пересохло во рту.

Когда феникс переживал шестую смерть, ему предстояло официально назвать того, кому он доверял свои останки после седьмой. Это был древний обычай. Считалось, что у всякого человека должен быть кто-то, кто позаботится о его последнем покое.

Мужья чаще всего называли жен. Жены — мужей. Роди-

тели иногда выбирали взрослых детей, одинокие фениксы — братьев, сестер или друзей.

Мне казалось, что в нашем браке этот вопрос даже не требует обсуждения.

Я дважды собирала пепел Лорана. Я знала, как удержать урну, когда ее стенки становятся горячими. Как различить обычный отблеск камня и первый признак возрождения. Как не испугаться, когда пепел начинает двигаться и из него появляются очертания человеческих рук. Последний пепел уже никогда не оживет. Я думала, что именно мне придется однажды принять его.

— Ты назвал Тею? — спросила я.

Лоран не сразу ответил.

— Да.

Я медленно выдохнула.

Странным образом это оказалось больнее всего остального.

Измена. Пять месяцев лжи. Решение развестись. Все это было страшно.

Но выбор последнего имени означал, что Лоран уже представлял свою смерть без меня. Он успел обдумать ее, поговорить с писцами, назначить церемонию. А я все еще волновалась, не слишком ли много огня он отдает городской печи.

— Когда ты внес ее имя в книгу?

— Двенадцать дней назад.

Двенадцать дней. В тот вечер я ждала его к ужину. Помню,

потому что Рута приготовила тушеную оленину, которую он особенно любил. Лоран пришел поздно, поцеловал меня в щеку и сказал, что устал после долгого разговора с советниками. Я предложила ему горячее вино. Он отказался и ушел спать. Теперь я знала, где он провел часть того вечера.

— Ты уже все решил, — сказала я.

— Да.

— Тогда зачем сегодня просишь меня понять тебя?

— Потому что не хочу, чтобы мы расстались врагами.

Я долго смотрела на него.

Наверное, в этом и заключалась самая большая несправедливость нашего разговора. Он хотел сохранить о себе хорошее мнение. Хотел уйти, не разрушив привычный порядок. Хотел, чтобы я поняла его страх смерти, его любовь к другой женщине, его желание начать жизнь заново. И все это после того, как самостоятельно распорядился нашим общим будущим.

— Я не твой враг, Лоран.

Его лицо немного смягчилось.

— Я рад, что ты...

— Но я больше не твоя жена.

Он осекся.

Я подошла к столу и взяла папку с рабочими записями.

— Я дам согласие на развод. Завтра отправлю заявление в суд.

— Невена, мы можем сначала...

— Что?

— Обсудить имущество, жилье...

— Обсудим с поверенными. Когда будет назначено заседание.

Он посмотрел на папку.

— А печь?

Я устало потерла лоб.

— Свод нужно останавливать на ремонт.

— Сейчас?

— До сильных морозов.

— Совет не согласится.

— Тогда придется объяснить им, почему это необходимо.

Лоран помолчал.

— Я могу поддерживать жар еще некоторое время.

— Именно этого я и боюсь.

Он нахмурился.

— Не начинай снова.

Я открыла папку и достала лист с температурными записями.

— Посмотри.

— Невена...

— За последние десять дней ты трижды добавлял огонь вне обычного графика. После последней зарядки температура верхнего свода поднялась быстрее, чем должна. Сегодня я обнаружила новую трещину.

Он взял лист, пробежал глазами несколько строк.

— Возможно, в трубах Нижнего города увеличилась потеря тепла.

— Возможно. Но прежде чем добавлять еще огонь, нужно выяснить причину.

— Сейчас не время останавливать систему.

— Через месяц будет еще хуже.

Лоран отложил бумагу.

— Я поговорю с Кессом.

— Хорошо. Но до осмотра больше не увеличивай зарядку.

Он поднял голову.

— Ты снова говоришь со мной как с больным человеком.

Я остановилась.

Мне показалось, что я ослышалась.

— Я говорю с тобой как мастер, который отвечает за состояние печи.

— Ты не понимаешь, как это звучит.

— А ты не хочешь меня слушать.

Он отступил от стола.

Мы молчали.

Потом Лоран тихо сказал:

— Я не хотел, чтобы все закончилось так.

Я посмотрела на его палец без кольца.

— Но именно так и закончилось.

Мне больше нечего было сказать.

Я взяла папку и направилась к двери.

— Куда ты?

— В свою комнату.

— Мы еще не закончили разговор.

Я обернулась.

— А что еще осталось обсудить сегодня?

Лоран открыл рот, но так ничего и не произнес.

Я вышла из столовой.

***

Рута ждала в коридоре с моим плащом.

Она стояла возле высокой напольной вазы и делала вид, что поправляет ветки можжевельника.

Увидев меня, выпрямилась.

— Госпожа?

— Отнеси плащ наверх. И попроси кого-нибудь принести горячей воды.

Рута внимательно посмотрела мне в лицо.

— Вам нездоровится?

— Нет.

Я хотела пройти мимо, но она осторожно коснулась моего локтя.

— Невена...

Мы знали друг друга много лет.

Рута служила в доме еще при матери Лорана. Она помогала мне устраивать свадьбу, учила разбираться в запасах, спорила с поварами и однажды всю ночь просидела рядом,

когда я тяжело заболела после зимней поездки. Она редко называла меня по имени.

— Ты знала? — спросила я.

Рута опустила глаза. Этого оказалось достаточно. Я не стала спрашивать, как давно. Не хотела заставлять пожилую женщину оправдываться за чужую ложь.

— Не нужно ничего говорить, — попросила я.

Она сжала губы.

— Простите, госпожа.

— Ты ни в чем не виновата.

Я пошла наверх.

Лестница была широкой, с темными деревянными перилами и мягким ковром. На стенах висели старые портреты Сарнов.

На одном из них Лоран выглядел почти так же, как сейчас. Портрет написали еще до нашего знакомства. Художник изобразил его с четвертым огненным пером на груди. Тогда у Лорана оставалось три жизни. Теперь одна.

Я остановилась перед картиной.

Сколько раз за годы брака я проходила мимо нее, не задумываясь о возрасте мужа?

Он был старше меня почти на сорок лет, но внешне эта разница почти не ощущалась. Фениксы после возрождения возвращались в зрелое тело. Затем постепенно старели, как обычные люди, пока следующая смерть не начинала отсчет заново.

Я иногда шутила, что когда-нибудь стану седой старухой, а Лоран все еще будет носить тот же красивый камзол. Он смеялся и отвечал, что я останусь прекрасной в любом возрасте.

Теперь мне исполнилось сорок три. Лоран выглядел немногим старше. А женщине, которую он выбрал, было тридцать четыре.

Я отошла от портрета.

В спальне было тепло. Рута заранее развела небольшой огонь в камине и приготовила чистое белье. На спинке кресла лежал мой домашний халат.

Я закрыла дверь. Только теперь почувствовала, насколько сильно устала. Несколько минут стояла возле кровати, не снимая рабочего платья.

Потом подошла к умывальнику, налила воду в таз и начала мыть руки. Глина и сажа плохо смывались с кожи. Под ногтями оставались темные полоски. Вода постепенно стала серой.

Я вытерла пальцы полотенцем и обнаружила свежий маленький ожог у основания большого пальца.

Сначала он почти не беспокоил, а теперь неприятно ныл.

На столике возле зеркала стояла небольшая серебряная коробка. В ней я хранила нитки, иголки, запасные пуговицы и несколько мелких украшений. Открыв крышку, я увидела старую ленту темно-синего цвета.

Лоран подарил ее мне в первый год брака. Мы тогда от-

правились за город, к озеру, где вода оставалась теплой даже зимой. Я потеряла заколку, и волосы постоянно падали на лицо. Лоран купил ленту у первой встречной торговки. Потом сам попытался завязать мне волосы. Ничего не получилось. Мы смеялись так громко, что проходившие мимо люди оборачивались.

Я осторожно взяла ленту. Ткань давно потеряла цвет, но оставалась мягкой. Села на край кровати. И наконец заплакала. Без громких рыданий. Я просто сидела с лентой в руках, а слезы текли по лицу и капали на колени.

Мне было жалко себя. Жалко молодых лет, которые я прожила счастливо и которые теперь невозможно было отделить от всего случившегося. Жалко человека, за которого я вышла замуж. Того Лорана, который приносил мне ягоды, смеялся над своей деревянной птицей и просыпался после смерти с моим именем на губах.

Я не знала, когда именно он перестал любить меня. И, наверное, никогда не узнаю. Пять месяцев назад? Год? После шестого возвращения? Или значительно раньше, когда мы оба так привыкли друг к другу, что перестали замечать, как между нами растет расстояние?

Возможно, я тоже многое упустила. Я действительно стала слишком часто спрашивать о его здоровье. Проверяла температуру кожи после зарядок. Следила, чтобы он не проводил слишком много времени в огненном облике. Иногда просыпалась ночью и прислушивалась к его дыханию.

Мне было страшно. Но ведь я имела право бояться. Я видела его мертвым. Дважды.

В первый раз после возвращения он долго держал меня за руку и говорил, что никогда не забудет, как я ждала. После второй смерти он почти месяц не отпускал меня далеко. А теперь оказалось, что именно моя память стала для него невыносимой.

Я положила ленту обратно в коробку.

Плакать стало легче, но от этого ничего не изменилось.

За дверью послышались шаги.

Я быстро вытерла лицо.

Кто-то остановился возле спальни.

Потом раздался негромкий стук.

— Невена?

Лоран.

Я посмотрела на дверь.

— Что тебе нужно?

— Можно войти?

Я не ответила сразу.

Потом сказала:

— Входи.

Он открыл дверь, но остался возле порога.

В руках держал маленькую чашку.

— Рута сказала, что ты не ужинала. Я принес тебе отвар.

Я посмотрела на чашку.

Лоран всегда приносил мне теплый отвар с медом, когда

я долго работала. Иногда сам заваривал травы, хотя почти никогда не угадывал нужные пропорции. Этот обыкновенный жест оказался таким знакомым, что мне снова захотелось плакать.

— Поставь на стол, — попросила я.

Он подошел и осторожно опустил чашку рядом с зеркалом.

— Я не хотел тебя обидеть.

Я молчала.

Лоран сел в кресло возле камина.

Вчера я бы сама подошла к нему, поцеловала в висок, спросила, почему он выглядит уставшим. Сегодня не знала, куда деть руки.

— Мне тяжело видеть тебя такой, — сказал он.

— Тогда тебе не стоило приходить.

Он вздохнул.

— Ты всегда воспринимала все слишком близко к сердцу.

Я подняла глаза.

Лоран осекся.

— Прости. Я не то хотел сказать.

— А что?

Он некоторое время смотрел на огонь.

— Я благодарен тебе за все эти годы.

Вот и все. Двадцать один год брака. Шесть смертей, две из которых мы пережили вместе. Зимы, праздники, болезни, вечера у камина, споры, примирения. И благодарность.

Я поняла, что если сейчас продолжу этот разговор, то начну говорить вещи, о которых потом пожалею.

— Лоран, уходи.

Он повернулся ко мне.

— Невена...

— Пожалуйста.

Муж медленно поднялся. Некоторое время стоял возле кресла.

Я ждала, что он подойдет. Не потому, что хотела его вернуть. Просто за двадцать один год привыкла: когда нам обоим было больно, он обнимал меня. Но Лоран не подошел.

Он направился к двери.

У самого порога остановился.

— Завтра мы сможем поговорить спокойнее.

— Наверное.

— Я не хочу терять тебя совсем.

Я посмотрела на него.

— Тогда почему ты все это сделал?

Лоран не ответил.

Постоял еще немного и вышел.

Дверь закрылась тихо.

Я долго сидела на кровати. Потом сняла рабочее платье, умылась, переоделась и подошла к столу. Чашка с отваром уже остыла. Я не стала его пить.

Взяла папку с рабочими записями и раскрыла на последней странице. Завтра утром следовало отправить в Совет за-

ключение о состоянии центральной печи. В первую очередь нужно было потребовать проверку жарового камня. Затем предупредить мастеров о возможной остановке системы.

Я достала чистый лист бумаги. Рука дрожала, поэтому первые несколько строк пришлось переписать. К полуночи отчет был готов. Я указала длину трещины, температуру свода, время последних зарядок и необходимость срочного ремонта. Отдельно написала, что увеличение подачи магического огня без проверки может представлять опасность.

Подписалась полным именем. Невена Сарн.

Некоторое время смотрела на подпись.

Потом открыла ящик стола и достала старое гильдейское свидетельство, которое хранилось среди других документов.

Его выдали мне еще до свадьбы.

На пожелтевшей бумаге значилось:

«Невена Дарн. Мастер печной кладки. Допущена к самостоятельным работам с жаровыми камнями».

Подпись отца стояла рядом с печатью старшего мастера.

Я провела по ней пальцем.

Совсем скоро мне снова придется использовать эту фамилию.

Я не знала, смогу ли привыкнуть к ней сразу.

Но собственная мастерская у меня еще была. Инструменты я могла купить. Работу найти тоже. А дом... Дом, наверное, придется строить заново.

Я сложила свидетельство и убрала в папку.

За окнами продолжал идти снег. Издалека донесся глухой удар городского колокола. Полночь.

Я потушила свечу и легла.

Кровать была широкой, и раньше мне нравилось, что на ней достаточно места для нас обоих.

Сегодня пустая половина казалась непривычно холодной.

Я долго смотрела в темноту. Вспоминала, как Лоран произнес имя Теи. Как говорил о последней жизни. Как стоял у двери и просил не становиться врагами. Потом вдруг вспомнила совсем другое.

Одиннадцать лет назад, после пятого возвращения, он впервые смог самостоятельно подняться с постели. Встал, держась за стену, прошел ко мне несколько шагов и сказал:

«Я вернулся, Невена. Теперь все будет хорошо».

Я тогда поверила ему не потому, что он был фениксом, а потому, что любила.

Под утро я все-таки уснула.

А когда проснулась, первое, о чем подумала, была трещина в верхнем своде. Лишь несколько мгновений спустя вспомнила о разводе. Наверное, привычка заботиться о чужом огне исчезала не так быстро, как мне хотелось.

Я встала, открыла окно и впустила холодный утренний воздух.

На крышах лежал первый снег.

Сегодня мне предстояло отправить заключение в Совет, поговорить с поверенным и начать собирать вещи.

Я не представляла, как справлюсь со всем этим. Но одно уже решила. Как бы ни сложилась моя дальнейшая жизнь, оставаться удобной частью прежней я больше не собиралась.

Глава 2. Дом без голосов

Утром я обнаружила, что Лоран перенес свои вещи в гостевую спальню.

Его половина шкафа опустела. Исчезли домашний халат, несколько рубашек, любимая книга с потрепанным корешком. На туалетном столике остался только серебряный гребень, которым он почти не пользовался.

Я стояла перед открытым шкафом и смотрела на ровные стопки собственного белья.

Мы прожили вместе двадцать один год. Сегодня между нами уже существовала невидимая граница, которую Лоран поспешил обозначить пустыми полками.

Ночью я почти не спала. Несколько раз вставала, чтобы проверить рабочие записи, хотя прекрасно помнила все цифры. Потом пыталась читать, но обнаруживала, что по десять минут смотрю на одну страницу.

Под утро мне удалось ненадолго задремать.

Проснулась я с тяжелой головой и неприятным ощущением, будто забыла сделать что-то важное. Несколько мгновений прислушивалась к дому, ожидая знакомого шума воды из соседней купальни.

Затем вспомнила вчерашний разговор.

Я закрыла шкаф.

В комнате было прохладно. Огонь в камине давно погас,

а за окнами лежал свежий снег. Садовник уже успел расчистить дорожку к воротам, оставив вдоль нее две неровные полосы белого снега.

Я умылась, оделась и собрала волосы в тугой узел.

Сегодня мне предстояло многое сделать.

Прежде всего отправить заключение о состоянии центральной печи. Затем обратиться к поверенному, выяснить порядок развода и раздела имущества. После этого следовало осмотреть отцовскую мастерскую.

Список выглядел разумно. Наверное, именно поэтому я за него и держалась. Пока существовали дела, требовавшие моего внимания, можно было не думать о том, что Лоран уже представлял рядом с собой другую женщину.

В дверь негромко постучали.

— Войдите.

Рута появилась с подносом. На нем стояли чайник, тарелка с горячим хлебом и небольшая миска меда.

— Вы не спускались к завтраку, госпожа. Я подумала, что вам будет удобнее поесть здесь.

— Спасибо, Рута.

Она поставила поднос на стол возле окна.

— Господин Лоран уже ушел.

Я кивнула.

— Знаю.

На самом деле я не знала. И не спрашивала, куда он собирался.

Рута поправила салфетку, хотя та лежала совершенно ровно.

— Он просил передать, что будет в Доме возвращений до полудня.

— Хорошо.

Она снова посмотрела на меня.

— Госпожа, если вам понадобится помощь с вещами...

— Понадобится.

Рута заметно растерялась. Вероятно, ожидала, что я стану уверять ее, будто ничего серьезного не произошло.

— Я собираюсь переехать, — объяснила я. — Не сегодня, если не успею подготовить помещение. Но в ближайшие дни.

— Куда же?

— В отцовскую мастерскую.

— Там ведь давно никто не живет!

— Значит, придется все привести в порядок.

Рута сложила руки перед собой.

Ей было уже за шестьдесят. Когда я впервые вошла в дом Сарнов молодой женой, она казалась мне строгой, почти неприступной женщиной. Она знала, какие скатерти полагалось доставать на семейные праздники, когда следовало подавать ужин и почему нельзя переставлять старинные кресла в малой гостиной.

Мне потребовалось несколько месяцев, чтобы понять: за всеми этими правилами скрывалась обычная забота о доме, который она любила.

Позднее мы подружились.

Она ухаживала за мной после болезни, помогала устраивать приемы и однажды целую неделю спорила с Лораном, когда он решил заменить старую кухонную печь совершенно неподходящей моделью.

Теперь Рута смотрела на меня так, будто хотела сказать очень многое, но не знала, имеет ли право.

— Можете взять мои вещи из прачечной, — попросила я. — Только те, что принадлежат мне. И найдите, пожалуйста, два больших дорожных сундука.

— Конечно.

Она повернулась к двери.

— Рута.

Экономка остановилась.

— Вы давно знаете о Тее?

Женщина побледнела.

Я пожалела о вопросе почти сразу.

— Простите, — сказала я. — Не нужно отвечать.

— Я видела ее один раз, госпожа. Здесь. В библиотеке. Господин сказал, что они обсуждали поставку топлива.

Мне стало холодно.

— Когда это было?

— В конце лета.

Я вспомнила конец лета.

Тогда я несколько дней работала в Нижнем городе, проверяя старые трубы возле лечебницы. Лоран говорил, что за-

нят переговорами с торговцами.

Вероятно, он действительно вел переговоры. Не только о топливе.

— Я не должна была ничего скрывать от вас, — произнесла Рута тихо. — Я понимаю.

— Он ваш хозяин.

— Вы тоже.

Я посмотрела на нее.

Рута опустила голову.

— Я не знала, что между ними происходит. Потом начала догадываться, но... Мне казалось, что он сам обязан с вами поговорить.

— Обязан, — согласилась я.

Мы помолчали.

— Не хочу, чтобы вы чувствовали себя виноватой, — добавила я. — Вы не отвечаете за решения моего мужа.

Рута вытерла руки о передник.

— Я приготовлю сундуки.

Когда она вышла, я села возле окна.

Чай уже немного остыл.

Я отломила кусочек хлеба, но не смогла проглотить.

Почему-то известие о том, что Тея бывала в нашем доме, причинило мне больше боли, чем я ожидала. Не потому, что Лоран нарушил какую-то особую границу. Скорее, я вдруг представила, как незнакомая женщина ходит по комнатам, где находились мои книги, вещи и семейные фотографии.

Она могла сидеть в библиотеке возле окна. На том самом месте, где я обычно читала по вечерам.

Знала ли она, кто выбирал занавеси? Кто устроил там маленькую нишу для книг? Кто настоял, чтобы старый диван не выбрасывали, хотя обивка давно выцвела?

Разумеется, это не имело никакого значения. Но я все равно думала об этом.

В конце концов заставила себя позавтракать, взяла папку с документами и вышла из комнаты.

***

В городском управлении было тесно и шумно.

Несколько торговцев спорили возле стола сборщика пошлин, молодой писарь искал какую-то запись в огромной книге, а у дверей суда стояли двое мужчин в дорожных плащах и громко выясняли, кому принадлежит обоз с испорченной мукой.

Я пришла достаточно рано, но очередь к канцелярии уже собралась.

Пришлось подождать.

Раньше такие дела обычно решались иначе. Я передавала документы через управляющего домом, а тот доставлял их в нужное ведомство. Иногда хватало письма с печатью Сарнов.

Сегодня мне хотелось сделать все самостоятельно.

Когда подошла моя очередь, писарь поднял голову.

— Госпожа Сарн? Чем могу служить?

— Мне необходимо зарегистрировать техническое заключение и уведомление об изменении порядка обслуживания центральной печи.

Я положила перед ним два документа.

Он просмотрел первый и сразу нахмурился.

— Срочная остановка?

— Полная проверка свода. С последующим ремонтом, если повреждение подтвердится.

— Но ведь отопительный сезон уже начался.

— Именно поэтому я предлагаю провести работы до настоящих морозов.

Писарь перечитал несколько строк.

— Здесь указано, что дополнительная зарядка жарового камня может представлять опасность.

— Да.

— Хранитель об этом знает?

— Я сообщила ему вчера вечером.

Мужчина заметно успокоился.

— Тогда, думаю, господин Сарн сам обсудит все с Советом.

— Заключение составлено мной. Прошу зарегистрировать его в установленном порядке.

Писарь поднял глаза.

Наверное, он не понимал, зачем мне требовалось лично заниматься бумагами, если я могла просто передать их мужу.

Еще вчера я и сама не задумалась бы об этом.

— Конечно, госпожа.

Он поставил дату, приложил печать и внес запись в журнал.

Я дождалась, пока он закончит.

— И второе уведомление.

Писарь развернул лист.

Его брови поползли вверх.

— Прекращение выполнения обязанностей по договору с домом Сарн?

— Да. После передачи текущих материалов и завершения обязательных работ, предусмотренных соглашением.

— Но вы же...

Он осекся.

Я знала, что он хотел спросить.

Разве вы не жена хранителя?

Пока еще жена.

По закону наш брак продолжался, хотя Лоран уже снял кольцо и назначил другую женщину хранительницей своего последнего пепла.

— Мое гильдейское свидетельство остается действительным, — сказала я. — Если Совет захочет продолжить сотрудничество, он может предложить мне отдельный договор.

Писарь осторожно положил уведомление рядом с первым документом.

— Я передам все управляющему канцелярией.

— Благодарю.

Он поставил вторую печать.

Я забрала заверенные копии и вышла во двор. Ветер успел усилиться. Снег сыпался с карниза прямо на каменные ступени, и молодой служитель без особого успеха пытался смести его метлой. Я задержалась возле ворот, чтобы застегнуть плащ.

Я тревожилась, хотя дело было не в увольнении: город по-прежнему нуждался в моей работе, и при необходимости Совет мог заключить новый договор. Но раньше все решения проходили через Лорана.

Теперь впервые за много лет мне предстояло разговаривать с чиновниками не как жене хранителя, а от собственного имени.

Это оказалось странно непривычным. И все же я не пожалела о поданных документах.

***

Поверенный Эстен Раль принимал в небольшом доме неподалеку от суда.

Его контора занимала две комнаты над лавкой переплетчика. На лестнице пахло кожей, клеем и сырой бумагой.

Эстен был невысоким мужчиной с редеющими светлыми волосами и привычкой постоянно поправлять очки.

Мы встречались прежде, когда я оформляла наследство

после смерти отца.

Он узнал меня сразу.

— Госпожа Сарн. Рад видеть. Присаживайтесь.

Я села напротив его стола.

Он предложил чай, но я отказалась.

— Мне нужна помощь с разводом.

Эстен медленно снял очки.

— Понимаю.

Он не стал спрашивать, что произошло, и за это я была ему благодарна.

— Ваш супруг согласен?

— Это его решение.

— Тогда процедура относительно проста. Детей у вас нет, верно?

— Нет.

— Совместные имущественные обязательства?

Я задумалась.

За двадцать один год мы приобретали мебель, украшения, книги, несколько земельных участков, которые оформлялись на род Сарн, и участвовали в строительстве новых хозяйственных помещений.

Большую часть хозяйственных дел вел управляющий. Я редко интересовалась подробностями. Теперь выяснялось, что зря.

Эстен достал чистый лист.

— Придется составить перечень.

— Я не хочу превращать развод в тяжбу.

— Это разумно. Но разумный развод начинается с понимания того, какое имущество принадлежит вам по закону.

— Лоран предложил содержание.

— Содержание не заменяет законной доли.

Он сказал это спокойно, без нажима.

Я посмотрела на старого поверенного.

— Вы думаете, мне стоит требовать большего?

— Я думаю, вам стоит узнать, на что вы имеете право. А затем уже решить, какие условия принять.

В этом была простая логика, которую я почему-то не сумела применить сама.

Эстен попросил перечислить имущество, полученное до брака.

Я рассказала об отцовской мастерской.

Он кивнул.

— Она остается вашей. У вас сохранились документы о наследовании?

— Да.

— Хорошо. Гильдейское свидетельство тоже принадлежит лично вам. Что касается заработка, полученного во время брака, необходимо посмотреть договоры.

Я вспомнила, как три года назад Лоран настоял на оформлении нового соглашения между городом и домом Сарн. Тогда это казалось удобным решением: платежи поступали на общий хозяйственный счет, а мне не приходилось занимать-

ся отдельными расчетами.

Теперь я уже не была уверена, что оно оказалось выгодным.

— Подготовьте все бумаги, которые найдете, — сказал Эстен. — Я направлю запрос управляющему вашего супруга.

— Не хотелось бы, чтобы он решил, будто я собираюсь с ним воевать.

Поверенный внимательно посмотрел на меня.

— Госпожа Сарн, вам придется привыкнуть к тому, что защита собственных интересов не является нападением.

Я опустила глаза.

От этой очевидной мысли мне стало неприятно: сама я так и не решилась бы ее сформулировать.

— Когда можно подать заявление?

— Сегодня. По взаимному согласию суд назначит заседание после установленного срока уведомления. Если не возникнет имущественных споров, все завершится достаточно быстро.

Я подписала подготовленные документы.

Перо немного скрипело по бумаге.

Когда дошла до фамилии, рука невольно замедлилась.

Невена Сарн.

Я смотрела на написанное имя, пока Эстен не протянул руку за листом.

— Вы можете после развода вернуть девичью фамилию, — напомнил он.

— Я знаю.

— Решение необязательно принимать сегодня.

Я кивнула.

Наверное, действительно не стоило торопиться.

Двадцать один год я называлась Невеной Сарн. Эта фамилия была вписана в мои рабочие книги, письма, приглашения и городские документы.

Но в старом гильдейском свидетельстве значилось другое имя. То, которое дал мне отец.

Покидая контору, я впервые задумалась, сколько времени понадобится, чтобы снова привыкнуть к нему.

***

В Дом возвращений я пришла ближе к полудню.

На площади уже собирались гости. Возле входа стояли несколько представителей старых городских семей, двое служителей готовили церемониальные светильники.

Изнутри доносился негромкий звон медных чаш.

Я остановилась у ступеней.

Мне не хотелось присутствовать на обряде.

Но мне нужно было узнать, что станет с записями о возвращениях Лорана после нашего развода.

Илария встретила меня возле боковой двери.

Она выглядела утомленной.

— Госпожа Сарн. Я думала, вы сегодня будете с супругом.

— Нет.

Хранительница внимательно посмотрела на меня.

Вероятно, новость о предстоящем разводе уже успела распространиться.

— Мне нужно увидеть записи о двух возвращениях Лорана, — сказала я.

— Конечно. Пройдемте.

Мы вошли в небольшой архивный зал.

Здесь было тихо и прохладно. Узкие окна пропускали серый дневной свет. Вдоль стен стояли высокие шкафы с толстыми книгами в кожаных переплетах.

Илария достала тяжелый том с медными застежками.

— Пятое возвращение, — произнесла она, раскрывая книгу.

Я наклонилась над страницей.

На пожелтевшем листе были записаны дата смерти, место гибели и имена людей, присутствовавших при сборе пепла.

Среди них стояло мое имя.

Невена Сарн.

Чуть ниже шла запись о том, что я оставалась при урне до возрождения.

Я вспомнила мокрый пол святилища, на котором просидела почти всю первую ночь.

Илария перевернула несколько страниц.

— Шестое возвращение.

Здесь запись оказалась длиннее.

Причина гибели была обозначена как повреждение центральной огневой палаты.

Далее следовали имена свидетелей и время возрождения.

Я нашла собственное имя.

Вспомнила, как Лоран впервые открыл глаза после шестой смерти. Он долго смотрел на меня, словно не узнавал. Потом осторожно коснулся моей щеки.

Тогда мне казалось, что самое страшное осталось позади.

— Записи останутся такими? — спросила я.

Илария удивилась.

— Разумеется.

— Даже после развода?

Она закрыла ладонью край страницы.

— Прошлое не переписывают из-за того, что люди расстались.

Я кивнула.

Наверное, именно это мне и требовалось услышать.

Пусть Лоран назначил Тею хранительницей последнего пепла. Пусть больше не хотел видеть меня рядом. Но те ночи существовали.

Я сидела здесь. Ждала. Любила его.

Никто не мог сделать вид, что ничего этого не было.

— Благодарю, — сказала я.

Илария осторожно закрыла книгу.

— Невена, мне очень жаль.

Я посмотрела на нее.

— Вы знали о новом имени?

Она не стала притворяться, будто не понимает вопроса.

— Я принимала запись двенадцать дней назад.

— Вы могли сказать мне?

— По правилам Дома возвращений хранитель не вправе раскрывать личное решение феникса до церемонии. Я надеялась, что супруг сам поговорит с вами.

— Он поговорил.

Илария вздохнула.

— Я помню вашу первую ночь здесь. После пятого возвращения.

Я молчала.

— Вы тогда отказались уходить даже поесть. Пришлось приносить вам хлеб прямо к урне.

— Помню.

— Ваш муж, когда проснулся, первым делом позвал вас.

Я отвернулась к окну.

Мне не хотелось плакать перед пожилой женщиной.

— Он был другим, — сказала я.

Илария некоторое время молчала.

— Возможно, — ответила наконец. — Но я думаю, вы тоже изменились за эти годы.

Я улыбнулась краешком губ.

— Надеюсь, не настолько.

Она осторожно коснулась моей руки.

Мы попрощались.

Выходя из архива, я услышала голоса в главном зале.

Лоран стоял возле алтаря.

Рядом находилась Тея Керн.

На ней было темно-бордовое платье с высоким воротником. Волосы убраны наверх, на шее блестела тонкая золотая цепочка.

Она смотрела на Лорана внимательно, почти серьезно.

Он что-то говорил ей, чуть склонив голову.

Я не услышала слов. Но узнала его улыбку. Когда-то он так улыбался мне, если хотел успокоить перед важным событием.

Я отступила назад.

Не собиралась устраивать сцену на церемонии, посвященной последней смерти человека, который пока еще был жив.

И тем более не хотела смотреть, как он произносит имя другой женщины перед городом.

Я вышла через боковую дверь.

Снаружи было холодно.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы застегнуть плащ. Пальцы плохо слушались. Потом я спустилась по ступеням и направилась в Нижний город.

***

Отцовская мастерская встретила меня запахом сырого дерева и старой глины.

Я открыла ворота ключом, который много лет носила в связке с другими, почти не задумываясь, зачем его храню.

Ворота поддались не сразу.

Пришлось несколько раз толкнуть створку плечом, прежде чем ржавые петли скрипнули и пропустили меня во двор.

Когда-то здесь было шумно.

Отец держал троих работников и двух учеников. Утром они растапливали печь для обжига, днем возили кирпич и глину, вечером собирались за длинным столом под навесом.

Я выросла среди этого шума.

По запаху могла определить, когда раствор достаточно подсох, а по звуку — правильно ли уложен кирпич.

Сейчас двор зарос бурьяном.

Под навесом лежали старые доски, часть кровельной черепицы осыпалась, а возле колодца выросла тонкая береза.

Я остановилась посреди двора.

Мастерская была значительно меньше дома Сарнов.

Здесь не было высоких окон, мраморных ступеней и просторных залов.

Только кирпичное здание, несколько хозяйственных помещений и небольшой жилой дом с двумя комнатами.

Я вспомнила, как отец однажды сказал, что хорошему мастеру нужен не огромный дом, а надежная крыша и место, где можно разложить инструменты.

Крыша здесь, судя по всему, надежностью уже не отлича-

лась.

Я открыла дверь жилого дома.

Внутри пахло пылью.

Мебель стояла под серыми полотнищами. В углу виднелся старый сундук, а возле окна — кресло с продавленной обивкой.

На подоконнике лежали засохшие листья.

Я провела пальцем по столу, оставив полосу в серой пыли.

В комнате было так тихо, что я слышала скрип собственных ботинок.

Я прошла в маленькую кухню.

Печь стояла на прежнем месте.

Черная от времени, с немного неровной дверцей и треснувшим изразцом у самого пола.

Отец построил ее еще до моего рождения. Потом несколько раз ремонтировал. Когда мне исполнилось шестнадцать, разрешил самостоятельно заменить часть кладки.

Я помнила тот день.

Работа получилась неидеальной, и отец заставил меня переделывать шов трижды.

Тогда я страшно сердилась. Теперь обнаружила, что улыбаюсь.

Я присела возле печи и осторожно открыла дверцу.

Внутри скопилась пыль и несколько сухих листьев.

Дымоход давно никто не чистил. Разжигать огонь до осмотра было нельзя. Значит, сегодня ночевать здесь не по-

лучится.

Я поднялась и пошла в мастерскую.

Большая рабочая комната выглядела лучше, чем жилая часть.

Стены оставались крепкими, хотя в нескольких местах штукатурка осыпалась. Длинный стол стоял на прежнем месте, тяжелые деревянные ящики были закрыты.

Я открыла один из них.

Внутри лежали металлические скребки, резцы, угольники и небольшие молотки.

Почти все покрылись ржавчиной.

Во втором ящике обнаружились старые чертежи.

Я осторожно развернула верхний лист.

Это был план небольшой отопительной системы для гостиницы у северных ворот.

В углу стояла отцовская подпись.

Мне неожиданно захотелось услышать его голос. Не для того, чтобы он решил мои проблемы. Просто чтобы сказать, как сильно я по нему скучала.

— Ну что же, папа, — произнесла я вполголоса, оглядывая мастерскую. — Придется нам снова начинать.

Под порывом ветра скрипнули балки.

Положив чертеж на стол, я проверила стены и окна, затем прошла вдоль старой обжиговой печи.

В нескольких местах кладка требовала ремонта, но сам свод сохранился.

Главной проблемой оказалась крыша.

Вода просачивалась через поврежденную черепицу и оставляла темные пятна на балках.

Я записала все замечания в рабочую тетрадь.

К концу осмотра руки успели замерзнуть.

Я стояла возле стола, рассматривая список предстоящих работ, когда услышала стук в ворота.

— Есть кто живой?

Голос показался знакомым.

Я выглянула во двор.

Возле ворот стояла молодая женщина в коротком меховом плаще. Из-под капюшона выбивались светлые волосы.

В руках она держала корзину.

— Тана?

Женщина обернулась.

— Невена!

Она поставила корзину на землю и поспешила ко мне.

Тану Лер я знала с тех пор, как она впервые пришла ко мне ученицей.

Тогда ей было семнадцать. Худенькая, упрямая девчонка с веснушками на носу, она умудрялась за день задавать столько вопросов, что у меня иногда начинала болеть голова.

Зато работала она прекрасно.

Последние несколько лет Тана занималась собственными заказами и лишь изредка приходила ко мне за советом.

Мы обнялись.

— Я услышала, что вы вернулись, — сказала она. — Сначала не поверила. Думала, кто-то перепутал.

— Кто тебе сказал?

— Освин. Он видел, как вы шли через площадь. Потом сказал, что вы, наверное, решили наконец вспомнить про эту дыру.

Я невольно рассмеялась.

— Именно так он и сказал?

— Почти. Настоящее выражение я повторять не стану.

Тана отступила и огляделась.

— Ох, ну и вид.

— Я уже заметила.

— Крыша течет?

— В трех местах.

— В четырех. Вон там тоже пятно.

Она показала на дальний угол навеса.

Я подняла голову. Действительно.

— Хорошее начало, — вздохнула я.

Тана подхватила корзину.

— Я принесла хлеб, сыр и немного копченого мяса. Подумала, вы наверняка забыли поесть.

— Все сегодня считают, что я не способна сама о себе позаботиться.

— Судя по вашему виду, это недалеко от истины.

Она прошла в мастерскую, поставила корзину на стол и без спроса открыла ближайшее окно.

— Здесь нужно проветрить.

— На улице холодно.

— Зато внутри пахнет так, будто старый мастер до сих пор хранит здесь мокрые сапоги.

Я улыбнулась.

Тана никогда не отличалась почтительностью.

Наверное, именно поэтому мне всегда нравилось с ней работать.

Мы вместе осмотрели жилые комнаты.

Она проверила оконные рамы, затем поднялась на чердак.

Оттуда несколько минут доносились шаги, стук и невнятное ворчание.

Потом в потолке открылся люк, и появилась ее голова.

— Хорошая новость: балки целы!

— А плохая?

— Черепицу надо менять. Не всю, но прилично.

— Я заметила.

— Тогда зачем спрашиваете?

Она исчезла обратно.

Я вздохнула.

В мастерской постепенно становилось светлее.

Мы открыли ставни, вынесли несколько поврежденных досок и собрали мусор в большую корзину.

Через час Тана уселась на перевернутый ящик и достала принесенный хлеб.

— Вы действительно собираетесь здесь жить?

— Да.
Она перестала жевать.
— Надолго?
— Не знаю.
Тана внимательно посмотрела на меня.
— Невена, что произошло?
Я опустилась на соседний ящик.
Некоторое время рассматривала собственные руки.
Потом сказала:
— Мы с Лораном разводимся.
Она не сразу ответила.
— Что?
— Лоран хочет жениться на другой женщине.
Тана опустила руку с хлебом на колени.
— Простите, я, кажется, неправильно услышала.
— Нет.
Она медленно выдохнула.
— И давно он...
— Почти пять месяцев.
Тана закрыла глаза.
— Вот же...
Она оборвала себя.
Я невольно улыбнулась.
— Можешь сказать.
— Не хочу. Вы и так знаете, что я думаю.
Она некоторое время молчала.

Потом осторожно спросила:

— А вы как?

Этот простой вопрос оказался труднее всех остальных.

Как я?

Я не знала.

Утром мне хотелось плакать.

В Доме возвращений я едва удержалась от слез.

Сейчас сидела в старой мастерской, ела хлеб с сыром и обсуждала крышу.

— По-разному, — призналась я.

Тана кивнула. И не стала требовать подробностей. За это я была ей благодарна.

— Знаете, — сказала она через некоторое время, — когда я училась у вас, мне казалось, что вы никогда не устаете.

— Еще как устаю.

— Я тогда не замечала. Вы успевали вести заказы, проверять печь, ездить в городскую палату, а потом возвращались и объясняли мне, почему мой раствор опять никуда не годится.

— Потому что ты добавляла слишком много песка.

— Один раз!

— Три.

Она рассмеялась.

— Ладно, три.

Я тоже улыбнулась.

Тана отломила еще кусочек хлеба.

— Вам нужна помощь с ремонтом?

— Нужна. Но я не собираюсь отнимать у тебя время бесплатно.

— А я и не предлагаю бесплатно. У меня заказ на две кухонные печи, и обе нужно закончить к концу недели. Но по вечерам могу приходить.

— Договорились.

— И еще я знаю кровельщика. Он не самый дешевый, зато не пьет во время работы.

— Уже достоинство.

— Огромное.

Мы снова рассмеялись.

Мне неожиданно стало легче. Не потому, что я перестала думать о разводе. Просто рядом находился человек, которому не нужно было ничего объяснять и перед которым не требовалось держать лицо.

Мы доели хлеб и составили список необходимых материалов.

Тана предложила сначала заняться жилой частью, чтобы я могла переехать до сильных холодов.

Я согласилась.

Когда она ушла, во дворе уже темнело.

Я закрыла мастерскую и некоторое время стояла возле ворот.

Верхний город отсюда почти не просматривался.

Лишь над крышами поднимались высокие башни, а на од-

ной из них горел сигнальный огонь.

Где-то там находился дом, в котором я прожила больше двадцати лет.

Сейчас Лоран, вероятно, возвращался с церемонии.

Может быть, ужинал с Теей.

Может быть, обсуждал с ней их будущее жилье.

Я заставила себя отвернуться.

Мне предстояло вернуться туда еще как минимум на одну ночь. И собрать вещи.

***

В доме Сарнов меня встретила Рута.

— Госпожа, я подготовила сундуки.

Она провела меня в спальню.

Посреди комнаты стояли большие дорожные сундуки, обитые темной кожей. Рута нашла три вместо двух, о которых я просила.

На кровати лежали сложенные платья.

Я остановилась в дверях.

Впервые за много лет комната выглядела неуютно.

Словно из нее уже начали выносить мебель.

— Я попросила девушек собрать ваше белье, — сказала Рута. — Но украшения и личные вещи не трогала.

— Спасибо.

Она немного помолчала.

— Ужинать будете?

— Позже.

Рута кивнула и вышла.

Я закрыла дверь.

Сначала складывала вещи почти машинально. Домашние платья, теплые чулки, белье, ночные рубашки. Потом книги. Их оказалось слишком много.

Часть я покупала сама, часть получила в подарок, несколько старых томов принадлежали отцу.

Я складывала их в отдельный ящик, понимая, что позже придется нанять грузчиков.

На нижней полке шкафа обнаружилась коробка со свадебными вещами.

Я не открывала ее много лет.

Внутри лежали перчатки из светлой кожи, небольшая серебряная заколка и тонкая лента, которой украшали свадебный букет.

Я осторожно взяла перчатки.

Они были слишком маленькими.

В двадцать два года мои руки выглядели совсем иначе.

На внутренней стороне одной перчатки сохранилось маленькое пятно от красного вина.

Я вспомнила свадьбу.

Сад возле дома Сарнов был украшен бумажными фонарями. Отец страшно нервничал, хотя старался казаться спокойным. Освин выпил лишнего и начал громко рассказывать

гостям, как однажды я свалилась в яму с мокрой глиной.

Лоран смеялся вместе со всеми.

Потом взял меня за руку и повел танцевать.

Я помнила его ладонь. Теплую, большую. Помнила, как он наклонился и сказал, что никогда не видел женщины прекраснее.

Наверное, тогда он действительно так думал.

Я опустилась на край кровати.

Слезы снова подступили к глазам.

Но я уже не плакала.

Вместо этого осторожно сложила перчатки обратно в коробку.

Не знала, захочу ли когда-нибудь снова их увидеть. Но выбросить пока не могла.

Затем достала из шкафа темно-синее платье, в котором была на празднике Семи Огней три года назад.

Лоран тогда сказал, что оно особенно мне идет.

Я посмотрела на плотную ткань.

Платье по-прежнему было красивым. И принадлежало мне.

Я положила его в сундук.

Не собиралась избавляться от хороших вещей только потому, что они напоминали о бывшем муже.

Слишком многое в моей жизни было связано с ним.

Если бы я решила уничтожить все воспоминания, пришлось бы отказаться почти от всего, чем жила последние

двадцать один год.

Вечером пришел Лоран.

Я услышала его шаги в коридоре.

Он постучал, затем приоткрыл дверь.

— Ты уже собираешься?

Я стояла перед шкафом с платьем в руках.

— Как видишь.

Он посмотрел на сундуки.

— Рута сказала, что ты была в Нижнем городе.

— Осматривала мастерскую.

— И как она?

— Требует ремонта.

— Я мог бы отправить туда своих людей.

— Не нужно.

Лоран нахмурился.

— Неужели ты собираешься отказываться от любой помощи только из-за обиды?

Я аккуратно повесила платье на спинку кресла.

— Я не отказываюсь от помощи. Просто предпочитаю сама нанять работников.

— Какая разница, кто им заплатит?

— Для меня есть разница.

Он вздохнул.

— Невена, я не хочу превращать все это в борьбу.

— Я тоже.

— Тогда почему ты так упрямишься?

Я посмотрела на него.

— Потому что мне придется жить дальше без тебя. И я хочу понимать, на что могу рассчитывать.

Лоран некоторое время молчал.

Потом прошел в комнату и остановился возле камина.

— Мне сообщили о твоем уведомлении.

— Каком именно?

— О прекращении обслуживания центральной печи.

— Я передала документы в канцелярию.

— Ты могла сначала поговорить со мной.

Я невольно усмехнулась.

— Мы разговаривали вчера.

— Ты знаешь, что я имел в виду.

Он потер лоб.

— Кесс уже спрашивал, что происходит. Мне пришлось объяснять, что ты, вероятно, просто расстроена.

Я почувствовала, как раздражение вытесняет усталость.

— Ты сказал Совету, что мое техническое решение связано с нашим разводом?

— Я не говорил ничего подобного.

— Но объяснил мое уведомление расстройством?

Лоран не ответил сразу.

— Я пытался избежать лишних слухов.

— Тогда сообщи им, что я остаюсь действующим мастером гильдии и готова заключить отдельный договор. До передачи работ я выполню все обязательства.

Он смотрел на меня с таким выражением, будто никак не мог понять, почему я продолжаю говорить о документах.

— Невена, мы ведь можем решить это между собой.

— Могли, пока жили вместе. Теперь нам придется решать вопросы официально.

— Ты делаешь все гораздо сложнее.

Я отвернулась к сундуку.

Не хотела снова спорить.

Лоран подошел ближе.

— Послушай. Я понимаю, что тебе больно. И не ожидаю, что ты сразу сможешь спокойно принять происходящее. Но мы прожили вместе столько лет...

Он замолчал.

Я медленно повернулась.

— Именно.

Лоран вздохнул.

— Я не собираюсь перечеркивать наше прошлое.

— Ты уже поручил свой последний пепел Тее.

Он отвел глаза.

Несколько мгновений мы стояли молча.

— Это было необходимо, — сказал он наконец.

— Почему?

— Потому что после развода ты больше не будешь моей супругой.

— Когда ты внес ее имя, мы еще были женаты.

Он сжал челюсти.

— Я не хотел причинять тебе лишнюю боль.

— Тогда зачем сделал это за моей спиной?

— Потому что знал, как ты отреагируешь.

Я посмотрела на него.

Наверное, именно в этой фразе заключалось все, чего я раньше не замечала.

Он знал, что мне будет больно, и поэтому предпочел не говорить. Мог отказаться от поступка, мог обсудить его со мной. Вместо этого скрыл все до тех пор, пока я уже ничего не могла изменить.

— Лоран, — сказала я устало, — я не собираюсь мешать тебе жить с Теей. Не стану требовать, чтобы ты передумал или вернулся ко мне. Но не проси делать вид, что ничего страшного не произошло.

Он опустил голову.

— Я этого и не прошу.

— Просишь. С самого вчерашнего вечера.

Лоран посмотрел на раскрытые сундуки.

— Когда ты уедешь?

— Как только мастерская станет пригодна для жилья. Думаю, через два дня.

— Можешь остаться дольше.

— Не хочу.

Он кивнул.

Потом заметил на кровати коробку со свадебными вещами. Несколько мгновений смотрел на нее.

— Ты сохранила перчатки, — произнес он.

— Да.

Он осторожно взял одну.

— Помнишь, как Освин рассказывал про яму с глиной?

Я почувствовала неприятный укол под ребрами.

— Помню.

Лоран улыбнулся.

— Твой отец тогда чуть не выгнал его со свадьбы.

— Не выгнал бы.

— Нет. Наверное, не выгнал бы.

Он положил перчатку обратно.

Некоторое время мы стояли рядом, вспоминая один и тот же день.

Мне вдруг захотелось спросить, когда он в последний раз думал о нашей свадьбе. До вчерашнего разговора. До Теи. До шестого возвращения.

Но я не спросила. Ответ уже ничего не изменил бы.

— Спокойной ночи, Невена, — сказал Лоран.

— Спокойной ночи.

Он вышел.

Я закрыла коробку.

Затем продолжила собирать вещи.

***

На следующий день в мастерской работали трое кровель-

щиков.

Тана привела их ранним утром.

Старший, коренастый мужчина с красным носом, осмотрел крышу и заявил, что половину повреждений можно устранить за день, если погода не испортится.

Потом назвал цену.

Я поморщилась.

— Вы собираетесь крыть дом серебром?

Он посмотрел на меня без улыбки.

— Если хотите, могу. Но тогда цена будет другой.

Тана отвернулась, пряча смех.

Мы поторговались. В конце концов договорились. Я внесла задаток и отправилась проверять жилую печь.

Дымоход удалось прочистить к полудню.

В нескольких местах требовалось заменить раствор, а старую дверцу пришлось снять и починить.

Тана помогала, пока не пришло время возвращаться к собственному заказу.

— Завтра закончим? — спросила она, вытирая руки.

— Надеюсь.

— Я принесу новую решетку. У меня осталась подходящая после гостиничного заказа.

— Заплачу.

— Знаю.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Вы сегодня лучше выглядите.

— Потому что выспалась.

— Не похоже.

— Тогда потому что с утра не успела посмотреть в зеркало.

Тана рассмеялась.

После ее ухода я продолжила работу.

К вечеру старая печь уже могла безопасно держать небольшой огонь. Я развела его осторожно, проверяя тягу.

Дым уходил нормально.

Через некоторое время стены начали прогреваться.

Я ненадолго открыла дверь, проветривая помещение.

Снаружи стучали молотками кровельщики.

Во дворе пахло мокрой черепицей, древесиной и горячей глиной.

Я стояла возле печи, наблюдая, как постепенно подсыхает раствор на новом шве.

Этот запах был знаком мне с детства. Обыкновенная печная глина. Никакой магии. Никаких древних обрядов. Просто работа, которая требовала терпения и аккуратности.

Впервые за несколько дней я почувствовала, что могу нормально дышать.

На следующий вечер вещи были перевезены.

Три сундука, четыре ящика с книгами, несколько небольших предметов мебели и старый деревянный сундук с инструментами.

Рута помогала собирать все до последней минуты.

Перед отъездом она подошла ко мне с маленьким свертком.

— Это ваше, госпожа.

Внутри лежала деревянная фигурка птицы.

Та самая, которую Лоран вырезал в первый год нашего брака.

Я долго смотрела на нее.

— Я оставила ее на каминной полке.

Рута кивнула.

— Знаю. Но подумала, что потом вы можете пожалеть.

Я осторожно провела пальцем по неровному крылу.

— Спасибо.

Она обняла меня. Впервые за все годы знакомства крепко, без обычной сдержанности.

— Берегите себя, Невена.

Я почувствовала, как защипало глаза.

— И вы себя.

Рута отступила.

— Если вам что-нибудь понадобится...

— Я знаю.

Лоран не вышел проводить меня.

Мне сказали, что он находится на заседании Совета.

Я не знала, действительно ли заседание продолжалось так поздно, и не стала выяснять.

Я села в повозку рядом с возницей.

Ворота дома Сарнов медленно открылись.

Когда мы выехали на улицу, я обернулась.

В окнах горел свет.

За стеклом виднелась знакомая лестница, часть прихожей, высокий шкаф возле двери.

Дом выглядел так же, как всегда. Только теперь я больше не возвращалась туда ночевать.

Повозка повернула к площади.

Скоро крыши Верхнего города скрылись за каменными домами.

Я отвернулась и стала смотреть вперед.

***

Первую ночь в мастерской я провела почти без сна.

Дело было не в холоде.

Печь работала исправно, в спальне стало достаточно тепло, а Тана принесла два плотных шерстяных одеяла.

Но старый дом издавал совершенно другие звуки.

Где-то скрипели балки. За стеной капала вода с крыши. Ветер шевелил незакрепленную ставню.

Я лежала на узкой кровати и прислушивалась.

В доме Сарнов всегда что-нибудь происходило.

Даже ночью можно было услышать шаги слуг, негромкие голоса, звон посуды на кухне или движение воды в отопительных трубах.

Здесь стояла непривычная тишина.

Я неожиданно вспомнила, как Лоран обычно возвращался после поздней зарядки камня.

Он тихо открывал дверь спальни, стараясь не разбудить меня. Потом ложился рядом. Его кожа оставалась горячей, даже если за окнами стояли сильные морозы.

Иногда я придвигалась ближе, потому что мерзли ноги.

Он смеялся и говорил, что я использую мужа вместо грелки.

Я закрыла глаза.

Воспоминание оказалось настолько живым, что на мгновение мне показалось, будто сейчас снова услышу его шаги.

Но за дверью никого не было.

Я перевернулась на другой бок.

Потом встала, подошла к окну и немного приоткрыла ставню.

Над Нижним городом поднимался дым.

Вдалеке горели редкие фонари.

Из соседнего дома доносился плач младенца, а где-то на улице лаяла собака.

Обычная жизнь продолжалась.

Люди готовили ужины, укладывали детей, спорили, болели, мирились. Утром им предстояло вставать на работу.

Им было совершенно безразлично, что знаменитый хранитель огня решил развестись со своей женой.

И в этом неожиданно обнаружилось утешение.

Мой развод был огромным событием для меня. Но он не

остановил город.

Утром кому-то понадобится починить печь, кому-то — привезти уголь, кому-то — вылечить заболевшего ребенка.

Жизнь не обязана была прекращаться вместе с моим браком.

Я закрыла ставню и вернулась в постель.

На этот раз уснула быстрее.

Разбудил меня стук в ворота.

Сначала я решила, что приехали кровельщики.

Потом вспомнила: они закончили работу еще вчера.

Стук повторился.

Я накинула теплый халат, спустилась и открыла дверь во двор.

У ворот стоял высокий мужчина в темном плаще с меховым воротником.

За его спиной виднелась служебная повозка.

На груди у незнакомца блестела небольшая металлическая эмблема — раскрытый затвор, перечеркнутый языком пламени.

Пепельная стража.

Я узнала мужчину, когда он снял перчатку. Мартен Восс. Мы встречались несколько раз.

Последний — восемь месяцев назад, во время аварии, в которой погиб Лоран.

Тогда Мартен руководил эвакуацией работников и почти не отходил от поврежденной огневой палаты.

Я плохо помнила тот день, но его лицо сохранилось в памяти.

Суровое, усталое, с темной полосой сажи возле виска.

Сейчас он выглядел почти так же.

Широкие плечи, короткие темные волосы с редкими серебристыми прядями, спокойные серые глаза.

На шее, чуть выше ворота, виднелся старый шрам.

Он был старше меня всего на несколько лет, но держался так, словно привык отвечать за свои решения не только перед начальством, но и перед собственной совестью.

— Госпожа Сарн? — спросил он.

— Дарн, — поправила я прежде, чем успела подумать.

Мартен слегка приподнял бровь.

— Простите.

Я сама удивилась своему ответу.

Официально я еще оставалась Сарн.

Развод только предстоял.

Но в старой мастерской фамилия отца прозвучала правильно.

— Чем могу помочь, командир?

— Мне сказали, что вы вернулись к работе.

— Кто сказал?

— Освин Край.

— Освин слишком много разговаривает.

— Это я уже заметил.

В его голосе прозвучала едва различимая усмешка.

Мартен посмотрел за мою спину, во двор.

— Вы позволите войти?

Я немного поколебалась.

Было раннее утро.

Я стояла в домашнем платье под распахнутым халатом, волосы еще не успела собрать, а в жилой комнате оставались неразобранные вещи.

— Если вопрос срочный.

— Достаточно.

Я отступила, пропуская его.

Он вошел во двор, остановился возле старой обжиговой печи и огляделся.

— Не знал, что эта мастерская принадлежит вам.

— Она принадлежала моему отцу.

— Дарну?

Я кивнула.

Мартен посмотрел на высокую кирпичную трубу.

— Значит, это он построил северные общественные печи.

— Часть из них.

— Хорошая работа.

Я неожиданно почувствовала удовольствие от его слов.

— Отец был прекрасным мастером.

— Я слышал.

Мартен повернулся ко мне.

— Но пришел я не за тем, чтобы обсуждать старые постройки.

Он достал из-под плаща небольшой сверток, завернутый в плотную ткань.

— Мне нужен ваш профессиональный осмотр.

Я открыла дверь мастерской.

— Проходите.

Он поставил сверток на рабочий стол.

Пока я зажигала лампу, Мартен молча оглядывал помещение.

Его взгляд задержался на ящиках с инструментами, свежей кладке возле печи и новых досках под крышей.

— Давно вернулись?

— Три дня назад начала приводить все в порядок. Вчера перевезла вещи.

Он кивнул.

Не спросил, почему я покинула Верхний город.

Вероятно, уже знал.

В Кальде слухи распространялись быстрее горячей воды по исправным трубам.

Я поставила лампу на стол.

— Что у вас?

Мартен развернул ткань.

Внутри лежал кусок темного кирпича.

На первый взгляд совершенно обыкновенный.

Такими кирпичами облицовывали отопительные каналы, которым приходилось выдерживать постоянный жар.

Я взяла его в руки.

Кирпич оказался тяжелее, чем ожидалось. На одном краю виднелся неровный излом. Другой был покрыт темным налетом.

Я провела пальцем по поверхности.

— Откуда?

— Нижний город. Седьмой отопительный ход, возле старых складов.

Я посмотрела на него.

— Там проводили ремонт в прошлом месяце.

— Да.

— Значит, этот кирпич должен был заменить поврежденный.

— Именно.

Я перевернула образец.

Внутри обнаружилась тонкая светлая полоса.

Я нахмурилась.

— Где вы его взяли?

— Рабочие вынули вчера вечером. После того как в стене появилась течь.

— Он стоял в новом участке?

— Да.

Я поднесла кирпич ближе к лампе.

На поверхности оставались следы перегрева.

Но дело было не только в них.

Светлая полоса внутри проходила почти по всей толщине.

Я взяла со стола металлический скребок и осторожно про-

вела по излому.

Отделилась тонкая серая крошка.

— Странно.

Мартен оперся ладонью о край стола.

— Что именно?

— Кирпич слишком быстро потерял прочность. Если его правильно обожгли и уложили месяц назад, такого быть не должно.

— Значит, использовали плохой материал?

— Возможно.

Я еще раз осмотрела излом.

— Но по внешнему виду нельзя делать окончательные выводы. Нужно проверить состав и посмотреть соседние кирпичи.

— Сколько времени потребуется?

— Если образец один, сегодня проведу предварительную проверку. Для заключения понадобится осмотр участка.

Мартен кивнул.

— Тогда придется поехать со мной.

Я подняла голову.

— Сейчас?

— Чем раньше, тем лучше.

Мне не понравился его тон. Он не грубил, но, похоже, привык, что его распоряжения выполняют без лишних вопросов.

— Командир, я только что переехала. У меня не законче-

ны работы, не разобраны вещи и сегодня назначена встреча с кровельщиком для окончательного расчета.

— Понимаю.

— Не похоже.

Он посмотрел на меня несколько внимательнее.

— Госпожа Дарн, в седьмом ходе вчера вечером пришлось закрыть подачу воды. Без отопления остались два склада и несколько жилых помещений. До настоящих морозов еще есть время, но мне нужно знать, насколько опасно продолжать работу системы.

Я положила кирпич на стол.

— Тогда почему вы пришли ко мне, а не к мастеру, который проводил ремонт?

— Приходил.

— И что он сказал?

— Что подобное повреждение невозможно.

Я невольно усмехнулась.

— Удобный ответ.

— Мне тоже не понравился.

Мартен сложил руки на груди.

— Я знаю, что вы много лет отвечали за центральную печь. И знаю, что недавно направили Совету заключение о необходимости ее остановки.

Я насторожилась.

— Откуда?

— Мне передали копию. Я отвечаю за действия стражи в

случае аварии.

— И что вы думаете?

Он некоторое время молчал.

— Думаю, что вы обнаружили проблему, которую Совет предпочел бы пока не замечать.

Я внимательно посмотрела на него.

Это была первая за последние дни фраза о моей работе, в которой не звучало ни сомнения, ни попытки объяснить мои решения личными переживаниями.

— Тогда вы понимаете, почему я не хочу торопиться с выводами.

— Понимаю.

Мартен взял кирпич и снова завернул его в ткань.

— Но есть еще кое-что.

— Что?

Он посмотрел на старые чертежи, лежавшие на столе.

— В Нижнем городе уже несколько лет происходят похожие повреждения. Не такие серьезные, но достаточно частые, чтобы мои люди начали вести отдельный журнал.

Я нахмурилась.

— Мне об этом не сообщали.

— Сообщали городскому Совету.

— Через кого?

— Через управление Пепельной стражи. По установленному порядку.

Я почувствовала неприятное напряжение в груди.

— У вас сохранились записи?

— Да.

— Покажите.

Мартен не сразу ответил.

Потом достал из внутреннего кармана сложенный лист.

Я развернула его.

В документе перечислялись даты повреждений отопительных каналов за последние четыре года.

Некоторые участки я знала.

Другие находились значительно ниже центральной сети и обслуживались отдельными бригадами.

Я начала читать.

Пять повреждений.

Восемь.

Одиннадцать.

За прошлую зиму — шестнадцать.

Я подняла глаза.

— Почему я не видела этих отчетов?

Мартен смотрел на меня спокойно.

— Вот это я и хотел спросить у вас.

Мне не понравилось, как он произнес последние слова.

— Если вы полагаете, что я намеренно закрывала глаза на повреждения...

— Я пока ничего не полагаю.

— Тогда не задавайте вопросы так, будто уже знаете ответ.

Он немного помолчал.

— Хорошо.

Я снова посмотрела на список.

Постепенно стало ясно, что часть повреждений находилась возле старых обходных каналов.

В тех местах, где несколько лет назад Совет разрешил изменить схему распределения тепла.

Я помнила это решение.

Тогда нас уверяли, что новая система уменьшит потери и позволит центральной печи работать с меньшей нагрузкой.

Я проверяла расчеты. Но не все участки осматривала лично. Некоторые работы проводились без моего участия.

Мартен, должно быть, заметил, как я нахмурилась.

— Вы узнали что-то?

— Возможно.

Я отложила лист.

— Мне нужны схемы и журналы температур. Без них этот список почти бесполезен.

— Они у меня есть.

— Тогда принесите.

Мартен немного наклонил голову.

— Я предлагаю вам самой посмотреть на повреждения.

Я взглянула в окно.

Во дворе лежали разобранные доски. На веревке сушились рабочие полотенца. Возле стены стоял сундук, который я еще не успела занести в дом.

У меня действительно было множество дел.

Но передо мной лежал список, который мне следовало увидеть гораздо раньше.

Я вздохнула.

— Дайте мне полчаса.

Мартен кивнул.

— Подожду возле ворот.

Он оставил сверток возле лампы и направился к выходу.

У двери остановился.

— Госпожа Дарн.

— Что еще?

— Я слышал, что вы ушли из дома хранителя.

Я напряглась.

Он заметил это.

— Не собираюсь спрашивать о причинах, — добавил Мартен. — Это не мое дело.

Я молчала.

Он продолжил:

— Но раз вы снова работаете самостоятельно, мне хотелось бы получить заключение мастера, который отвечает за собственную подпись.

Я посмотрела на него.

Слова были не слишком любезными.

И все же в них я услышала нечто, чего давно не слышала от людей, привыкших общаться со мной через положение мужа.

Он собирался спорить со мной. Требовать доказательств.

Возможно, обвинять в ошибках. Но воспринимал меня как мастера.

— Тогда вам придется запастись терпением, командир, — ответила я. — Я не подписываю заключения, пока не разберусь в причинах повреждений.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— На это и рассчитываю.

Когда он вышел, я еще некоторое время стояла возле стола.

Потом снова взяла список повреждений.

Шестнадцать случаев за одну зиму.

Я провела пальцем по датам.

Последний из них произошел незадолго до шестой смерти Лорана.

Этого я раньше не знала.

Я подошла к шкафу, достала кожаную сумку с инструментами и начала собираться.

Печи нашего города никогда не были простыми сооружениями.

В их устройстве существовали десятки зависимостей, которые приходилось учитывать мастерам. Нарушение в одном участке могло долго оставаться незаметным, прежде чем сказаться на другом.

Но даже с учетом этого шестнадцать повреждений за зиму выглядели тревожно.

И еще более тревожным было то, что отчеты о них так и

не попали ко мне.

Я закрыла сумку. Потом посмотрела на сверток с кирпичом, оставленный Мартеном возле лампы.

Вчера мне казалось, что главной трудностью моей новой жизни станет необходимость заново построить дом.

Сегодня выяснилось, что сначала придется разобраться, почему в Кальде начали разрушаться старые отопительные стены.

И почему об этом так долго молчали.

Глава 3. Жар в стене

Мартен Восс ждал у ворот, прислонившись плечом к своей повозке. Пока я собиралась, он успел снять плащ и закатать рукава темной рубашки. Теперь возился с кожаным ремнем, которым крепился ящик под сиденьем.

Услышав мои шаги, он обернулся.

— Готовы?

— Если вы не собираетесь заставлять меня всю дорогу бежать за повозкой.

Он посмотрел на мою сумку с инструментами.

— Тяжелая?

— Для меня нет.

— Я хотел спросить, не помочь ли вам ее поставить.

Мне стало неловко. За последние дни я настолько привыкла защищаться от чужих вопросов, что иногда слышала в них то, чего не было.

— Поможете, если откроете ящик. Там ничего не испачкается.

Мартен откинул крышку. Я поставила сумку внутрь, проверила застежку и забралась на сиденье.

Повозка оказалась довольно простой, без мягкой обивки и дорогих украшений. На досках возле ног лежали свернутый плащ, моток крепкой веревки и запасные рабочие рукавицы. Под сиденьем я заметила деревянный футляр с инструмен-

тами для открытия аварийных затворов.

Обычно начальники городской службы не возили подобные вещи самостоятельно.

— Вы сами выезжаете на повреждения? — спросила я.

— Если не хватает людей или случай сложный.

— А сегодня?

— Сегодня мне нужен мастер, которому я смогу задать вопросы на месте.

Он взял поводья. Лошадь тронулась.

Мы выехали со двора, повернули на узкую улицу и направились к Нижним воротам.

Утро было холодным, но снег пока не шел. На камнях осталась тонкая ледяная корка. Возле лавок торговцы подметали ступени, а работники хлебной пекарни носили в соседний двор корзины с горячими караваями.

Из открытой двери сапожной мастерской доносилась ругань. Кто-то громко требовал вернуть деньги за плохо пришитую подошву.

В другом дворе две женщины пытались загнать в сарай упрямую козу.

Коза сопротивлялась с таким достоинством, словно за ней явились представители городского суда.

Я невольно улыбнулась.

— Что-то забавное? — спросил Мартен.

— Коза.

Он посмотрел в указанную сторону.

Животное как раз вырвалось из рук хозяйки и с торжествующим видом забралось на кучу дров.

— Полагаю, сегодня она победила, — заметил он.

— Пока хозяйка не принесет ведро с овсом.

— Тогда победа окажется короткой.

Он снова сосредоточился на дороге.

Я поправила плащ и плотнее запахнула воротник.

Несколько минут мы ехали молча.

Когда повозка свернула к старым складам, я заметила, что улицы здесь уже, а дома стоят значительно ближе друг к другу. Большинство зданий были сложены из темного камня, некоторые верхние этажи оставались деревянными.

В нескольких окнах лежали сложенные одеяла. Жители пытались удержать тепло, закрывая щели.

На одной из дверей висела табличка с предупреждением о неисправности отопительного канала.

Я нахмурилась.

— Давно закрыли этот участок?

— Вчера около восьми вечера.

— Людей переселили?

— Из двух домов. Остальные пока используют собственные печи. Мы проверили дымоходы и доставили топливо тем, у кого его не было.

— На сколько хватит?

— На несколько дней. Если снег не перекроет дорогу к угольным складам.

Я посмотрела на ближайшие крыши.

Дым поднимался далеко не из всех труб.

— А почему вы не вызвали мастерскую Кессова управления?

— Вызвали. Вчера они прислали двух человек. Осмотрели повреждение и предложили заменить еще несколько кирпичей.

— Что вас не устроило?

— То, что месяц назад они уже заменили их в том же месте.

Я повернулась к нему.

— Это указано в журнале?

— Да.

— Тогда странно, что я не получала уведомления.

Мартен придержал лошадь, пропуская тележку с бочками.

— Вы много лет отвечали за центральную печь, госпожа Дарн.

— Верно.

— Я полагал, что крупные повреждения в городской системе должны проходить через вас.

— Должны.

Он посмотрел на меня.

Я встретила его взгляд.

— Но часть нижних участков передали подрядчикам Совета четыре года назад. У меня остались обязанности по центральной палате и основным распределительным узлам. О

том, что происходит на отдельных линиях, мне сообщали через управляющего.

— Значит, управляющий не передавал вам сведения?

— Возможно. Сначала я хочу увидеть документы. Не собираюсь искать виноватых, пока не разберусь.

Мартен помолчал.

— Разумно.

В его голосе не было особенной теплоты. Но и насмешки я не услышала.

Мы проехали мимо небольшой площади, где стоял закрытый общественный фонтан.

Возле него собрались несколько человек. Мужчины в толстых куртках передавали друг другу ведра с водой, женщина в красном платке раздавала деревянные жетоны.

— Что происходит? — спросила я.

— В одном из домов пришлось отключить не только отопление, но и подачу горячей воды. Пока жители получают ее из общего котла.

Я посмотрела на очередь.

— Почему они не используют холодный водопровод?

— Используют. Но для стирки и мытья его приходится нагревать. У некоторых жильцов нет отдельных печей.

Мне стало не по себе. В Верхнем городе мы почти не замечали подобных неудобств. Вода поступала в дом постоянно, а зимой полы в некоторых комнатах оставались теплыми даже ночью.

Здесь люди стояли на морозе с ведрами.

Я отвернулась от площади. Не потому, что не хотела смотреть. Просто вдруг стало стыдно за собственное удивление. За последние годы я действительно слишком редко бывала в Нижнем городе.

***

Седьмой отопительный ход проходил под длинным каменным зданием, где прежде хранили зерно.

Теперь помещения разделили между несколькими торговцами. Один держал шерсть, другой — мебель, третий сдавал верхние комнаты семьям ремесленников.

У входа стояли двое стражников.

Один из них, светловолосый мужчина с короткой бородой, подошел к повозке.

— Командир.

— Йорн. Как обстановка?

— За ночь давление не изменилось. Вода перекрыта. Рабочие ждут у нижнего люка.

— Кто-нибудь пытался включить отопление?

— Хозяин склада приходил дважды. Объяснили, что нельзя.

— И?

— Обещал пожаловаться в Совет.

Мартен спрыгнул с повозки.

— Пусть жалуется.

Я последовала за ним.

Йорн посмотрел на меня с любопытством.

— Госпожа Сарн?

— Дарн, — ответила я.

На этот раз фамилия прозвучала немного увереннее.

Мартен представил меня:

— Невена Дарн, мастер печной кладки. Она проведет независимый осмотр.

Йорн вежливо наклонил голову.

— Йорн Хесс. Заместитель командира Пепельной стражи.

— Очень приятно.

Он взял у Мартена связку ключей и повел нас вдоль здания.

Мы спустились по узкой наружной лестнице к массивной железной двери.

От нее тянуло сыростью.

За дверью начинался технический проход, проложенный между старой фундаментной стеной и отопительными трубами.

Подобные проходы устраивали в старых кварталах, чтобы мастера могли добираться до соединений и затворов, не разбирая каждый раз кладку жилых домов.

Я сама участвовала в ремонте таких систем.

Но здесь не бывала уже около шести лет.

Йорн зажег два защитных фонаря.

— Осторожнее на третьей ступени, — предупредил он. — Край откололся.

Я опустила ногу, проверила опору и спустилась.

Воздух внизу оказался теплым и тяжелым.

Пахло мокрым кирпичом, ржавчиной и старой известью.

На стене возле двери белела полоса высохших солей.

Дальше проход становился уже.

По правой стороне шла толстая металлическая труба, заключенная в кирпичный защитный короб. В нескольких местах виднелись маленькие смотровые отверстия.

— Здесь вода? — спросила я.

— Основная подача на склады и северные дома, — ответил Йорн. — Обратная линия проходит ниже.

Я приложила ладонь к коробу.

Кирпич оставался чуть теплым.

— Вы перекрыли участок правильно. Не открывайте, пока не закончим.

Мартен посмотрел на помощника.

— Слышал?

Йорн кивнул.

Мы прошли еще несколько шагов.

Впереди стояли трое рабочих, возле которых лежали инструменты и кучка вынутого кирпича.

Один из мужчин поднялся с корточек.

— Госпожа мастер.

— Доброе утро. Кто вскрывал кладку?

— Мы с Нисом. Вчера вечером.

— Покажите место повреждения.

Мужчина отступил.

В стене зияло отверстие шириной почти в два локтя. Часть защитного короба уже разобрали, обнажив соединение металлических труб.

Возле него виднелся старый затвердевший раствор.

Под трубой стояло деревянное корыто для сбора воды.

Я присела и осмотрела соединение.

На металле белели следы минеральных отложений.

Чуть выше находилась тонкая неровная линия.

— Кто ремонтировал трубу месяц назад?

— Люди подрядчика, госпожа. Мы только помогали выносить старую кладку.

— Само соединение меняли?

Рабочий помялся.

— Говорили, что проверили.

— Я спрашиваю, меняли ли его.

— Не видел.

Я повернулась к Мартену.

— Мне нужен журнал работ.

Йорн достал из сумки небольшую тетрадь.

Я пролистала страницы. Запись от прошлого месяца действительно существовала.

«Замена защитной кладки, восстановление раствора, проверка соединений».

Ни слова о том, какие именно соединения осматривали и каким способом. Я почувствовала привычное профессиональное раздражение.

— Кто принимал работу?

Йорн назвал имя городского смотрителя.

Я знала его.

Человек аккуратный, но не имевший квалификации для проверки отопительных труб под нагрузкой.

— Его подпись здесь, — показала я. — А где подпись мастера, проводившего испытание?

Мартен наклонился к журналу.

— Нет.

— Именно.

Я вернула тетрадь.

— Уберите оставшийся раствор вокруг верхнего соединения. Осторожно. Металл пока не трогать.

Рабочие взялись за инструменты.

Мартен стоял рядом, наблюдая за их действиями.

Я опустилась на колено, расстелила кусок плотной ткани и достала из сумки медную линейку, маленький молоток и металлический щуп.

— Что вы ищете? — спросил он.

— Пока хочу выяснить, что разрушилось первым.

— Разве это не очевидно? Вода вышла из трубы и повредила кирпич.

— Возможно. Но если труба цела, а вода проходит через

неисправное соединение, причина одна. Если металл разорвало после неправильной укладки защитного короба — другая.

Я показала на небольшую светлую полоску возле стыка.

— Видите?

Мартен присел рядом.

От него пахло холодной кожей, железом и немного дымом.

Я заметила это совершенно некстати и заставила себя сосредоточиться на работе.

— Отложения? — спросил он.

— Да. Они появились не вчера. Вода просачивалась здесь довольно долго.

— Насколько долго?

— По одному этому следу не определить. Но явно не несколько часов.

Я осторожно провела щупом вдоль соединения.

Под белой коркой обнаружилась узкая щель.

— Вот.

Мартен наклонился ближе.

— Ее могли не заметить при прошлом ремонте?

— Могли. Особенно если не проверяли трубу под рабочим давлением.

— То есть заменили кирпич, не устранив течь.

— Пока похоже на это.

Я взяла один из вынутых кирпичей.

На изломе снова виднелась светлая рыхлая полоса.

Внутри материал крошился легче, чем должен был.

— А это? — спросил Мартен.

— Плохой обжиг или нарушение состава смеси. Нужно проверить. Но даже хороший кирпич не выдержал бы бесконечного увлажнения и резких перепадов температуры.

Я отложила образец.

— Тут две проблемы. Труба пропускает воду, а защитный короб сделан из сомнительного материала.

— Можете определить, опасен ли соседний участок?

— После осмотра. Пока рекомендую не включать его.

Йорн стоял у входа в проход и слушал.

— А сколько домов останется без отопления? — спросил он.

Мартен ответил:

— Столько, сколько потребуется. Лучше несколько холодных комнат, чем кипяток в жилом подвале.

Я кивнула. В этом он был совершенно прав. Но одновременно мне хотелось найти способ быстрее вернуть людям тепло.

Я попросила рабочих снять еще два кирпича со стороны старой кладки.

Когда они закончили, я увидела кое-что неожиданное.

Под свежим раствором проходил узкий ряд кирпичей другого цвета.

Они были темнее, плотнее и уложены особым способом.

Я знала такую кладку. Ее использовали в старых распределительных узлах, где трубы могли менять направление при ремонте.

— Подождите, — сказала я.

Рабочие остановились.

Я приблизила фонарь.

Вдоль старого шва шла тонкая металлическая пластина.

На ней сохранилась почти стертая отметка.

Седьмой ход.

Северный обход.

Я провела пальцем по буквам.

— Здесь раньше был дополнительный канал.

Мартен наклонился.

— Что за канал?

— Обходной. Через него можно было временно перенаправить часть воды, если основной участок требовал ремонта.

— Сейчас он работает?

Я посмотрела на плотную кладку.

— Судя по всему, нет.

Йорн нахмурился.

— В наших схемах никакого обхода не обозначено.

— Значит, схемы изменили.

Я выпрямилась.

— Нужно проверить старые планы.

***

Мы вышли на улицу ближе к полудню.

Пока рабочие закрывали осмотренный участок временными щитами, Мартен поручил Йорну продолжить проверку соседних соединений.

Я сняла рукавицы.

На улице пальцы быстро остыли и заныли.

На ладонях остались серые полосы от кирпичной пыли.

— Есть где вымыть руки? — спросила я.

Йорн показал на соседнее здание.

— В караульной комнате. Там котел еще работает.

Мартен проводил меня туда.

Небольшое помещение оказалось тесным, но теплым. У стены стояла железная печь, на столе лежали рабочие журналы, возле окна висели мокрые плащи.

В углу на деревянной лавке сидела пожилая женщина.

Она держала на коленях большую корзину с бельем.

Когда мы вошли, женщина подняла голову.

— Ну что там, командир? Починили?

— Пока нет, госпожа Вирен.

Она недовольно поджала губы.

— Третьи сутки без нормального тепла. У меня внучка маленькая. Ночью в комнате холодно.

— Вам предлагали место в общем доме, — ответил Мар-

тен.

— Предлагали. Только у меня там сестра лежит, вся простуженная, и я не хочу тащить туда ребенка. Мы пока у соседей греемся.

Мартен подошел к столу и налил ей горячей воды.

— Йорн доставит вам еще топлива. Но печь пусть проверит наш человек, прежде чем разжигать.

— Проверял уже.

— Значит, повторно проверять не понадобится.

Женщина взяла чашку.

Потом посмотрела на меня.

— А вы кто будете?

— Мастер Дарн.

— А-а.

Она прищурилась.

— Так это вы та самая, из дома хранителя?

Я почувствовала, как напряглись плечи.

— Была.

— Говорят, он новую жену себе нашел.

Мартен поставил чайник на стол несколько громче, чем требовалось.

— Госпожа Вирен, у мастера много работы.

Пожилая женщина поджала губы.

— Да я не со зла.

Я взяла полотенце.

— Ничего страшного.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Только вы уж печь-то почините. А то у нас каждую зиму одно и то же. То вода течет, то трубы стучат, то говорят, что опять жару не хватает. А деньги за обслуживание берут исправно.

— Постараемся разобраться, — ответила я.

— Вот и хорошо.

Она снова занялась бельем.

Я вымыла руки. Вода была теплой, но не горячей. На костяшках обнаружились две свежие царапины.

Мартен протянул мне чистую ткань.

— Возьмите.

— Благодарю.

Он посмотрел на мои руки.

— У вас кровь.

— Небольшая царапина.

— Здесь есть перевязочный ящик.

— Не нужно.

Мартен не стал спорить.

Он просто убрал ткань на край стола и отошел к рабочим журналам.

Это оказалось приятнее, чем я ожидала.

Лоран непременно настоял бы, чтобы я обработала царапину, затем попросил бы показать руки и, вероятно, еще раз напомнил, что мне следует носить защитные рукавицы.

Раньше я воспринимала такую заботу с благодарностью.

В последние годы она начала раздражать меня, хотя я редко говорила об этом.

Теперь я вдруг подумала, что и сама поступала с мужем точно так же.

Следила за его отдыхом. Проверяла, не слишком ли он устал. Напоминала, когда нужно принимать восстанавливающие настои.

Наверное, мы оба постепенно разучились разговаривать друг с другом иначе.

— Вы давно не были в Нижнем городе? — спросил Мартен.

Я повернулась.

— На этом участке — несколько лет.

— Я заметил.

Он говорил спокойно, но мне все равно стало неприятно.

— Вы хотели что-то сказать?

Мартен закрыл журнал.

— Здесь давно жалуются на повреждения. Мы отправляли отчеты. Жители писали обращения. Иногда приезжали мастера, что-то чинили, и через месяц все начиналось заново.

— Я только сегодня узнала о масштабе проблемы.

— Вот это меня и удивляет.

— Думаете, я должна была сама проверять каждую трубу в городе?

— Нет. Но вы отвечали за главную печь. А повреждения

нижних каналов могут быть связаны с тем, как она работает.

Я почувствовала раздражение.

— Командир, вы прекрасно знаете, что городская система разделена между несколькими службами. Я не могу подписывать заключения по участкам, к которым мне даже не предоставляют доступ.

— А пытались?

Вопрос оказался неприятным.

Я открыла рот, чтобы ответить, и остановилась.

Пыталась ли я?

Несколько раз требовала сведения о нижних участках.

После предыдущей зимы лично направила запрос о состоянии обходных каналов.

Но когда получила короткое успокаивающее письмо из Совета, не стала настаивать на повторной проверке.

Тогда Лоран только что вернулся после смерти.

Он почти не спал. Тело уже восстановилось, но руки по-прежнему болели, и я боялась оставлять его одного надолго.

И, вероятно, действительно позволила себе слишком легко поверить чужим отчетам.

— Недостаточно, — призналась я.

Мартен посмотрел на меня.

— Что?

— Я недостаточно настаивала на проверке. Но это не значит, что все повреждения возникли по моей вине.

Он немного помолчал.

— Я этого не говорил.

— Почти.

На этот раз уголок его рта дрогнул.

— Возможно, почти.

Я сложила полотенце.

— Вы всегда так разговариваете с людьми, которых просите помочь?

— Обычно они начинают спорить позже.

— Тогда вам сегодня повезло.

Мартен тихо усмехнулся.

Смех оказался неожиданным. Негромкий, низкий, почти короткий выдох.

На мгновение его суровое лицо изменилось.

Я впервые заметила у его глаз мелкие морщины. С улыбкой он выглядел совсем иначе, чем с привычным строгим выражением лица.

Но улыбка быстро исчезла.

— Госпожа Дарн, — сказал он, — я не собираюсь искать виноватого заранее. Мне нужно, чтобы люди пережили зиму без новой аварии.

— Мне тоже.

— Тогда, возможно, нам стоит работать вместе.

Я посмотрела на него.

Он не протягивал руку. Не произносил красивых обещаний. Просто ждал ответа.

— Для начала покажите мне все ваши журналы, — сказа-

ла я.

— Договорились.

***

За документами мы провели почти три часа.

Мы устроились за длинным столом в караульной комнате. Йорн принес дополнительные журналы, старые схемы и несколько отдельных листов с датами повреждений.

Я разложила их по порядку.

Мартен наблюдал за мной, иногда отвечая на вопросы.

Время от времени в комнату заходили стражники. Приносили сведения о состоянии соседних домов, просили разрешения отправить людей на проверку дымоходов или сообщали, что жители снова жалуются на холод.

Мартен быстро разбирался с каждым вопросом.

Он не повышал голос. Не требовал, чтобы подчиненные угадывали его желания. Если распоряжение было сложным, объяснял причину.

Я невольно отмечала это, хотя старалась заниматься бумагами.

Наконец нашла нужную запись.

Четыре года назад.

Решение городского Совета об изменении схемы распределения тепла.

Я помнила заседание.

Тогда Арвид Кесс представил проект экономии топлива и обслуживания. Предлагалось закрыть несколько старых обходов, которые, по его словам, почти не использовались.

Я возражала против полного отказа от резервных каналов.

Но мне показали расчеты, согласно которым система продолжала сохранять необходимую устойчивость.

Лоран поддержал предложение Совета.

Он говорил, что меньшее количество потерь позволит ему реже отдавать огонь жаровому камню.

В тот год мы действительно стали экономить. По крайней мере, так утверждали отчеты.

— Вот, — сказала я, придвигая к Мартену старую схему. — Посмотрите.

Он наклонился.

— Что здесь?

— Седьмой ход до изменения системы.

Я показала линию, уходившую от основного трубопровода к северной стене.

— Это аварийный обход. Если приходилось останавливать один участок, воду можно было направить по другому. Разумеется, с ограничением мощности.

— Сейчас здесь стена.

— Да.

— Значит, обход закрыли.

— Судя по документам, полностью вывели из эксплуатации.

Мартен посмотрел на дату.

— Четыре года назад.

Я кивнула.

Он достал другую схему.

На ней обход уже отсутствовал.

— А вот нынешний план.

Мы положили листы рядом.

Разница оказалась очевидной.

Но больше всего меня заинтересовали температурные записи.

До изменения схемы давление на соседних участках колебалось в сравнительно небольших пределах.

Позднее появились резкие изменения. Не ежедневно. Иногда система работала совершенно нормально несколько недель. Потом происходила авария.

— Здесь нет прямого доказательства, — сказала я. — Но последовательность выглядит нехорошо.

— Вы считаете, что причина в закрытом обходе?

— Одна из возможных причин. Когда вода получает меньше путей для распределения при изменении нагрузки, некоторые участки испытывают более сильные перепады. Особенно если затворы работают неправильно.

Мартен провел пальцем по карте.

— Можно открыть старый канал?

— Не знаю. Нужно посмотреть, что осталось за кладкой.

— А если он разрушен?

— Тогда придется искать другое решение.

Я потянулась за журналом прошлогодних повреждений. И остановилась. В одной из записей стояла знакомая дата. День шестой смерти Лорана.

Я медленно перечитала строку.

«Северный распределительный узел. Резкое повышение давления. Временное закрытие нижнего затвора. Сообщение передано в центральную палату».

Я подняла глаза.

— Мартен.

Он посмотрел на меня.

— Что?

— В день аварии нижний затвор закрывали?

Он наклонился над журналом.

— Да.

— Почему?

— Давление стало слишком высоким. Люди боялись, что трубу разорвет.

— А когда передали сообщение?

Мартен посмотрел на время, указанное в записи.

— Без четверти три.

Я почувствовала холод, хотя рядом горела печь.

В тот день Лоран погиб около трех часов. Я хорошо помнила время. Городской колокол ударил трижды, когда я бежала через площадь к огневой палате.

— Вы говорили об этом на расследовании? — спросила я.

Мартен медленно кивнул.

— Сообщал в своем отчете.

— А почему в официальном заключении говорится только о повреждении жарового камня?

Он посмотрел на меня серьезнее.

— Вот это мне тоже хотелось бы знать.

Некоторое время мы молчали.

За окном кто-то громко позвал товарища.

На улице проехала телега.

Пожилая женщина в углу продолжала перебирать белье.

Обычные звуки постепенно возвращали меня к действительности.

Я снова посмотрела на запись.

— Если нижний затвор закрыли, а часть обходов уже не работала, давление могло перераспределиться на центральную систему.

— Могло?

— Да. Но без данных с главной палаты я не скажу, насколько сильно.

Я вспомнила рабочие записи за день аварии.

Часть их находилась у меня.

Остальные хранились в центральном архиве Совета.

После смерти Лорана я пыталась понять, что произошло.

Но мне объяснили, что камень дал непредсказуемый сбой.

Я поверила. Точнее, очень хотела поверить.

Потому что иначе пришлось бы признать: человек, кото-

рого я любила, погиб не из-за несчастного случая, а из-за чьих-то ошибок.

И я могла быть одной из тех, кто не заметил опасности.

— У вас сохранились собственные записи того дня? — спросила я Мартена.

— Да.

— Могу посмотреть?

Он задумался.

— Часть документов относится к расследованию. Я не вправе просто отдать их вам.

— Тогда покажите официально. Через запрос.

— Можно попробовать.

Он посмотрел на часы.

— Но сначала нам нужно закончить осмотр седьмого хода.

Я кивнула.

Это было правильно.

Нельзя разбирать давнюю катастрофу, пока рядом оставались люди без отопления.

Мы собрали документы и вернулись к поврежденному участку.

***

К нашему возвращению нижний проход успел немного остыть.

Рабочие сняли еще несколько кирпичей, и теперь можно

было осмотреть соединение трубы со стороны старой кладки.

Я проверила металл, затем попросила Йорна принести маленькое зеркало на длинной ручке.

В отражении удалось увидеть нижнюю часть стыка.

Там проходила еще одна тонкая щель.

Из нее медленно выступала влага.

— Труба не разорвана, — сказала я. — Но уплотнение изношено. Его необходимо заменить полностью.

Рабочий рядом облегченно выдохнул.

— Значит, можно починить?

— Можно. Но прежде чем включать воду, нужно проверить следующий стык.

Он кивнул.

Мартен стоял немного позади.

— Сколько времени понадобится?

— Если нужные детали найдутся, несколько часов. Но потом потребуется испытание под пониженным давлением.

— А если не найдутся?

— Тогда до завтра.

Он посмотрел на Йорна.

— Отправь человека на склад трубных деталей. Пусть принесут уплотнения нужного размера.

— Есть.

Йорн ушел.

Я еще раз осмотрела поврежденный короб.

Теперь мое внимание привлекла небольшая неровность возле старого обходного канала.

Кладка выглядела слишком аккуратной для обычного ремонтного участка. Кирпичи были уложены плотно, с одинаковыми швами. И все же их цвет немного отличался от окружающей стены.

Я взяла фонарь и подошла ближе.

— Посветите сюда, — попросила одного из рабочих.

Он поднял лампу.

Я провела пальцами по вертикальному шву.

— Это не старая кладка.

Мартен приблизился.

— Почему?

— Состав раствора другой. И кирпич обожжен по более новой технологии.

Я достала маленький молоток и осторожно постучала по стене.

Звук оказался глухим.

Потом сместила инструмент немного выше.

Звук изменился.

— За стеной пустота, — сказала я.

Мартен посмотрел на меня.

— Там должен быть обход?

— По старому плану — да.

Я проверила еще несколько участков.

Кладка перекрывала проход именно там, где на старой

схеме обозначался аварийный канал.

— Хотите разобрать? — спросил Мартен.

— Не сразу. Сначала нужно убедиться, что за стеной нет воды под давлением.

— Участок перекрыт.

— Этот участок. А обход мог остаться соединенным с другой линией.

Он кивнул.

Я снова постучала по верхнему ряду.

Теперь звук казался более звонким.

— Интересно.

— Что?

— Если бы канал просто вывели из эксплуатации, его должны были закрыть на обоих концах и оставить доступ для проверки. А здесь проход замуровали так, будто хотели, чтобы о нем забыли.

Мартен внимательно посмотрел на кладку.

— Вы уверены?

— Нет. Именно поэтому нужно найти акт работ.

Он выпрямился.

— Я узнаю, кто их проводил.

Я собиралась ответить, когда из глубины прохода раздался резкий металлический стук.

Потом второй.

Короткий, глухой.

Я сразу повернула голову.

— Кто открыл затвор?

Рабочие переглянулись.

— Никто, госпожа.

Снова послышался удар.

Теперь я узнала звук.

Так иногда стучала труба, если внутри нее резко менялось давление или начинала смещаться плохо закрепленная часть соединения.

— Фонарь сюда!

Один из рабочих поспешил ко мне.

Я подошла к соседнему участку, где проходила обратная линия.

Металлическая труба едва заметно дрожала.

— Откуда идет вода? — спросила я.

Мартен уже повернулся к рабочим.

— Проверить нижние затворы!

Один из мужчин побежал к лестнице.

Я опустилась на колено, стараясь рассмотреть участок между трубами.

Из старого соединения медленно просачивалась вода.

Еще утром здесь было сухо.

— Мартен, отведите людей от стены.

Он не стал спрашивать почему.

— Все назад! Немедленно!

Рабочие отступили.

Я поднялась, но не успела сделать и двух шагов.

Раздался резкий треск.

Из соединения ударила струя горячей воды.

Она попала в противоположную стену и разбилась на мелкие брызги.

В проходе мгновенно поднялся пар.

Я отшатнулась.

Кто-то схватил меня за плечо и потянул назад.

— К двери!

Голос Мартена прозвучал совсем рядом.

Мы отступили к лестнице.

Из-за пара почти ничего не было видно.

Один из рабочих споткнулся о лежавший инструмент.

Йорн, вернувшийся снаружи, подхватил его под руку.

— Все вышли? — крикнул Мартен.

— Пятеро! — отозвался Йорн. — Все!

— Закрыть нижнюю подачу. Быстро!

Йорн бросился к наружному затвору.

Мартен остался возле прохода, проверяя, не задержался ли кто-нибудь внутри.

Я стояла у стены и пыталась отдышаться.

На щеке чувствовалось неприятное жжение.

Несколько горячих капель все-таки попали на кожу.

Но серьезного ожога не было.

Из прохода продолжал вырываться пар.

Потом шум воды начал стихать.

Спустя несколько минут Йорн вернулся.

— Подача закрыта. Давление падает.

Мартен кивнул.

— Никому не входить до полного сброса давления.

Он повернулся ко мне.

— Вы целы?

— Да.

— Лицо?

Я осторожно коснулась щеки.

— Немного обожгло. Ничего серьезного.

Он посмотрел внимательнее, затем достал из кармана чистую ткань.

— Смочите холодной водой.

На этот раз я взяла ее без спора.

Пальцы немного дрожали. Не от боли. Я прекрасно знала, насколько опасна горячая вода под давлением. Если бы мы стояли ближе, струя могла причинить тяжелые ожоги.

Мартен проводил взглядом рабочих, уходивших к караульной комнате.

— Почему соединение не выдержало? — спросил он.

Я посмотрела на пар, выходивший из прохода.

— Пока не знаю. Возможно, давление изменилось после переключения соседнего участка. Или старое уплотнение уже не держало.

— Мы ничего не включали.

— Значит, придется выяснить, кто и что переключал выше по сети.

Он кивнул.

Несколько мгновений стоял рядом, затем негромко сказал:

— Вы заметили раньше остальных.

— Услышала стук.

— Мои люди тоже его слышали.

— Просто не все знают, что он означает.

Мартен посмотрел на меня.

— Теперь будут знать.

Он повернулся к Йорну и распорядился записать время происшествия, опросить дежурных и проверить работу соседних затворов.

Я стояла возле стены, прижимая мокрую ткань к щеке.

Когда дрожь наконец прошла, почувствовала сильную усталость.

Мне вдруг захотелось оказаться дома.

Не в доме Сарнов.

В своей маленькой мастерской, где пахло глиной и свежими досками.

Сесть возле печи. Снять тяжелые ботинки. И хотя бы на час перестать думать о чужих ошибках.

— На участке сегодня больше работать не будем, — сказал Мартен.

Я подняла голову.

— Простите?

— Осмотр продолжим завтра. Здесь пока небезопасно.

— С этим согласна. Но мне нужно записать замечания.
— Запишете в караульной комнате.
Он произнес это так, будто вопрос уже решен.
Я почувствовала знакомое раздражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.